

СамИздат

Снимать розовые очки всегда больно. Люди сами пишут историю своей жизни. И хорошо, если повествование в ней идёт всё-таки от первого лица, а не от лиц тех, кто привычно шепчет тебе в ухо: "Ты живёшь не правильно, не так, как должен... Должен... Должен... Обязан... Не так..." История человека, обложенного флажками нашего жестокого социума. Человека, дошедшего до края, до выбора: быть собой или перестать быть. Первая часть посвящена молодости Главного Героя.

===== ПРОЛОГ. Сдохни, мразь. =====

ЗАДАВЛЕННЫЙ СОБОЙ

Роман

«Всю жизнь свою рассматриваю как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из этих раунда надо выиграть. Один я уже проиграл».

Василий Шукшин

ПРОЛОГ.

Сдохни, мразь.

Кухонный сумрак моргал ему зелёными точками на электронных часах, отсчитывая секунды. Владимир лишь на мгновение оторвал взгляд от серого впотьмах, а на самом деле рыжего, линолеума, по которому скользили отблески этой зелени, пошевелил перед лицом пальцами обеих жилистых рук, усмехнулся и прислушался, снова уперев взор в пол. Квартира давила тишиной. Даже не так. Она задумчиво пережёвывала все мельчайшие звуки в крошки вакуума. Высокий темноволосый мужчина медленно вздохнул и поднялся с табурета, зацепившись ненароком пижамными штанами за большой скол шпона на громыхнувшей мебели. Босые ноги с лёгким шорохом донесли сорокалетнего мужчину до окна с распахнутыми шторами. Ночь за стеклами висела тёмным безлунным одеялом, спрятав мир под сенью душной предгрозовой напасти. Сегодня синоптики не ошиблись с прогнозом. Но Вертинскому было всё равно. Его мысли занимала тишина в доме.

Когда всё началось? Он задавался этим вопросом последние десять дней. Почему всё получилось именно так? Вся жизнь оказалась миражом, сотканным из колючей проволоки ограничений, которые он наложил на себя сам. Так когда же на сердце лёг первый виток этой путанки, созданной окружением, обществом, чужими мнениями, ожиданиями и обвинениями? Мужчина вновь прислушался. Нет, по-прежнему тихо. Где-то далеко у кого-то из соседей бубнил поздний телевизор. Впрочем, почему поздний? Часы показывали всего лишь половину первого ночи. Он, Владимир, в это время обычно что-то делал. Пока была семья.

Вертинский отвернулся от окна, ощутив голым торсом сквозняк, долетевший через узкую щель приоткрытой фрамуги пластиковой рамы. Взгляд его остановился на чайнике, монументально возвышавшемся на абсолютно пустой столешнице кухонного гарнитурного стола. Мужчина повернул на нём регулятор с «подогрева» на «закипание» и утопил кнопку запуска. Прозрачный пластик колбы озарился красным светом индикации. Сам же хозяин квартиры взял с обеденного стола телефон и скользнул по нему пальцем, активируя экран и

убирая блокировку. Список последних звонков не впечатлил. Три номера. Но десятки раз каждый день за последнюю неделю. И ни разу никто не принял вызов. Может, хотя бы сейчас ответят? Владимир запустил вызов Игоря. Грачѳв снова не ответил. Отгудев положенное число раз, смартфон сам сбросил звонок. Вертинский закусил верхнюю губу, поморщился и ткнул пальцем во второй номер в списке. Светлана также проигнорировала попытку поговорить. Мужчина заколебался: вернуть аппарат на стол или всё-таки набрать третьего абонента. Это был уже приглушённый страх, не такой острый, как в первые дни. Старший сын Костя тогда всё ясно сказал. Но Владимир всё равно надеялся на что-то. И не хотел вновь услышать от парня далёкий посыл.

С другой стороны, решение принято. И услышать его голос будет не лишним. Может, даже удастся сказать пару слов. Владимир уверенно скользнул пальцем по экрану телефона. Длинные гудки вновь наполнили голову пустотой. На пятом зуме аппарат отозвался злым голосом пятнадцатилетнего парня:

- Чего надо? Достал, урод.

- Я не буду просить прощения, сын, - твёрдо ответил Вертинский. – Хотел услышать тебя, знать, что всё в порядке.

- А про маму спросить не хочешь? – чуть не крикнул где-то там, в городе, Константин.

- За неё я не переживаю, - ровно сказал Владимир. – Она у тебя сильная. Всегда умела справляться с неудобными явлениями в жизни.

- Ты совсем уже гонишь, - злость в голосе парня сменилась равнодушием. – Не звони мне больше. Не хочу тебя ни видеть, ни слышать. Ты понял?

- Понял, сын, - губы мужчины скривились в усмешке.

- Ты мне больше не отец, - Костя запнулся, явно желая добавить что-то ещё. Но почему-то сдержался и сказал лишь одно слово: - Прощай.

Телефон задрожал в руке мужчины, оповещая об окончании разговора. Вертинский медленно вздохнул, сбрасывая напряжение. Первая точка в многоточии всё-таки поставлена. С Костиком всё в порядке, остальное – пустопорожние бредни. Вот если бы ещё те двое ответили, тогда совсем хорошо. Шумевший чайник выключился с громким щелчком, и Владимир наколдовал себе большую кружку тёмного напитка, пахнущего горными склонами, жарким солнцем и тишиной. Пока что можно вернуться к ноутбуку.

Мужчина вновь сел на табурет, но теперь лицом к застеленному клеѳнкой обеденному столу, на котором чѳрным пятном зиял захлопнутый портативный компьютер. Несколько привычных движений заставили его распахнуть пасть и заработать. Пока запускалась операционка, Владимир переставил к себе кружку с чаем. Одновременно с нажатием ввода к набранному паролю ожил телефон, звоном сообщив о прилетевшей эсэмэске. Вертинский глянул на строку сообщений. Сердце на миг охолонуло. От Светланы. Он снова разблокировал гаджет и вывел сообщение на экран. Два слова, принесѳнные ночным бдением, поставили вторую точку в его многоточии. «Сдохни, мразь». Владимир напряжѳнно улыбнулся, даже скорее оскалился. Прямо день добрых дел. Неужели бойкот закончился? Это хорошо. Значит, и она начала приходить в себя. А младший сын Валерка с ней вместе, под присмотром. Они справятся, все справятся со случившимся. Когда-то он, Владимир, и сам прошѳл через расставание родителей. Тяжело, с надрывом, но прорвался и дожил уже до сорока лет.

Вот и замечательно. Осталась третья точка. Игорь, коллега по работе. Человек, сломавший жизнь семье Вертинских. Переломивший жизнь себе, в том числе и своей семье.

Ну и куда ты делся, парень? Неужели в твои тридцать два ещё возможны такие юношеские выходки? Он просто испарился с горизонта, когда понял, какая каша заварилась из-за простого и естественного желания напакостить, отомстить за обиду. И на что обиделся-то? Владимир покачал головой. Почему-то представился Грачёв, сидевший на их диване перед телевизором. Цветные пятна заскользили по его лицу, пряча эмоции мужчины. Где же ты спрятался?

Вертинский положил пальцы на «мышку», поелозил курсором по монитору, навёл его на иконку текстового файла и запустил программу. За семь последних дней много мыслей вылилось в этот документ. Мыслей самых потаённых, странных, неизвестных миру. Сейчас рассказывать было не о чем. Час назад Владимир поставил точку. Пусть судьба решает, прочтает это кто-нибудь или нет. Он не удивится, если кто-то сразу удалит файл. Значит, так тому и быть. Вертинский усмехнулся и полез в систему удалять пароли. Всё равно уже ноут вычищен от хлама. В нём только этот документ. Энергосбережение тоже надо отключить. Владимир так и сделал. Чтобы потом первый же вошедший в квартиру понял – это оставлено специально для прочтения. А уж удалять или читать...

Мужчина встал, скинул с себя пижамные штаны, швырнув их на кожаный кухонный диванчик, и пошёл одеваться. Больше ему здесь делать нечего. А третью точку в его многоточии поставит сама жизнь. Надо только немного подождать.

Вскоре хлопнула входная дверь. Тишина победно растеклась по квартире. Лишь лёгкое урчание холодильника и шорох вентилятора в компьютере не давали ей стать полновластной хозяйкой опустевшего дома. Да светились в темноте часы, неумолимо моргая зеленью и занимаясь делением прошлого на будущее. Мерцающий экран ноутбука глупо таращился в пустоту, бесстыдно выставив напоказ чёрные буквы набранного текста. Он был готов ждать столько, сколько потребуется, пока не найдётся кто-нибудь, готовый сесть за стол и посмотреть на монитор.

Комментарий к ПРОЛОГ. Сдохни, мразь.

Пока пишу “Мой фаранг”, прошу прикоснуться к другой моей работе. Предупреждаю, радости в ней практически не будет. Но я всегда остаюсь верен своему главному принципу - ХЭ неизбежен.

===== Глава 1. Остракизмология, том первый. =====

Раунд первый.

ОБРАСТАЯ ФЛАЖКАМИ.

Вступление-раз.

Думаю, не стоит рассказывать всё день за днём, жизнь – она большая, а в памяти остаются только те моменты, которые впечатываются в подкорку следами кирзовых сапог... Или отпечатками босых ног на песке. Но обойти стороной некоторые вехи, благодаря которым стал таким, какой есть, не смогу. Каждый человек начинается в детстве. И я хочу немного рассказать о своём начале, о том, какие флажки растянули вокруг меня улица, школа, друзья и знакомые, и конечно же родители с некоторыми родственниками. Их вклад в мой теперешний бунт огромен и многогранен. Начну, пожалуй, с пяти лет. Яркое осознанное воспоминание...

Глава 1. Остракизмология, том первый.

Много ли надо ребёнку для счастья? Всего ничего – солнце, друзья и мама всегда рядом. В тот день я ушёл из садика. Сбежал, откровенно говоря. Почему? Тому были две причины. Первая – придирки воспитателей. Советская система возвращения винтиков не признавала

за Личностями права на существование. Но ведь каждый маленький ребёнок – это Личность. Со своими интересами, взглядами на происходящее рядом, на каждую новую подробность такой интересной жизни. Хочу – не хочу. Вот главный критерий выбора в пять лет. Естественно, детское «хочу» или «не хочу» - для взрослых, что тряпка для быка. И цвет не важен. Сам факт подобного шевеления уже является вызовом системе. И сейчас так же, а в те времена – вообще... Подозреваю, тут каждый сам может вписать вместо многоточия свои переживания о жизни в «рамках».

Итак, сбежал. Что уж там говорить, сейчас трудно вспомнить, почему. Но событие нерядовое. Обидевшись на придирки и «застрой», я ушёл в зелёные дали оврагов и бурьянов жаркого майского дня. Да ещё и перед обедом. Война с полынью истощила последние силы, и я двинулся домой, зная, что уж там-то есть, чего пожевать. Как минимум, можно намочить водой кусок ароматного хлеба и посыпать сахаром. Вкуснотища! Просто нет слов. И на пороге родных пенат меня выловила мама. Отругала, накормила, повздыхала. Потом попыталась рассказать о том, как нам без папы тяжело живётся, как ей приходится много работать, а за мной надо приглядывать. И повела назад в садик. Вот здесь и начинается первый весомый след общества на моей душе.

Воспитательница встретила нас грозным разносом на тему: «как посмел», «колония плачет», «имбицил» и прочие лозунги. На что мама вспылила и высказала многое из наболевшего. Меня технично отправили в группу. Потом мама ушла – работа есть работа. И началось. Весь садик собрали в игровом зале, выстроили ребятишек вдоль стен, меня вывели на середину... Это было страшно, горько и обидно – слушать всю ту грязь, которая полилась. Мне, пятилетнему пацану, высказали всё, довели до глубокой истерики, а затем санитарка долго успокаивала у себя в кабинете. До сих пор помню ту черноту, что навалилась под десятками взглядов, детских и взрослых. Ребятня – она же простая и прямая. Раз можно взрослым, то можно и им. Позорили меня словами, лозунгами, тупым смехом. Тыкали пальцами, науськанные воспитателями. И фраза «плохой» была самой мягкой. Тогда я впервые решил, что никому на свете не нужен, даже маме, которая ушла и бросила меня здесь, в этом ужасе. Она меня предала. Так казалось в тот момент. Успокоившись у санитарки, я ушёл во второй раз. Не было ни сил, ни желания оставаться там, где оказалось настолько плохо и обидно. Гулянка затянулась до позднего вечера. Бедная моя мама, что она пережила в тот день. Когда ей позвонили второй раз с наездом о моём побеге и дурном воспитании, она отпросилась с работы. Все родственники искали ребёнка в моём лице. Нашёлся я сам. Пришёл совсем оголодавший, мрачный и полный решимости отстаивать своё право на прогулки, когда и где захочу.

Ремень был чёрный, широкий, отцовский, который он оставил у нас в один из своих приездов на побывку между рейсами по Севморпути. Ещё он был злой, ремень то есть. Отец... Он как бы «был», но редко и недолго. О нём скажу дальше. Но мама есть мама. Засыпал я у неё на руках, счастливый просто от того, что вот она – рядом, со мной.

На всю жизнь запомнил то ощущение беспомощной полусмерти, когда стоишь один против всего мира и помощи ждать неоткуда. И на тебя смотрят глаза, пустые, злые, радостные, презрительные, всякие. В этом мире нельзя быть собой, нельзя радоваться, надо прятать желания и чувства за броню. Такой вот первый большой флажок вывесили в тот день перед моими глазами. «Ты не прав», «молчи», «ты должен быть послушным», «мал ещё», «слишком умный» - лишь верхушка айсберга тех ярлыков, что вцепились в меня маленькими голодными собаками взрослых установок. И я понял в тот день – Я не такой, как ОНИ. На

особицу, лишний, другой, чужой. Такой вот социальный ostracism рухнул на лохматую голову одного пятилетнего мальчишки ярким майским днём. Только лишь потому, что он посмел проявить своё Я.

Не такой, будь в броне, защищайся. Как думаете, кто начал прорасти в этом ребёнке?

===== Глава 2. Двоюродный грешок. =====

Комментарий к Глава 2. Двоюродный грешок.

Здесь есть намёки на эпизод вне рамок морали. Но он очень важен для дальнейшего повествования. Простите меня, как автора. Я старался обойтись малой кровью, так сказать.

Вступление-два.

Именно в детстве закладываются самые чистые и самые низменные наклонности личности. Ну или как минимум – проявляются. Я помню, как впервые поймал ощущение того, что мне нравятся вещи, неприемлемые в этой жизни. И дал это ощущение двоюродный брат на три года старше меня. Сейчас понимаю, что он как раз начал физически взрослеть и интересоваться неким аспектом будущего, которое обязательно наступает в жизни любого – будь то мужчина или женщина. Но мне-то было всего девять лет.

Глава 2.

Двоюродный грешок.

Андрею тогда было уже двенадцать. Помощник по дому, нянька для младшей сестры и присматривающий для меня. В тот день после школы я как обычно пришёл к родне. После расселения из частного дома нам (всем трём семьям) выделили квартиры в новом панельном доме. Причём – в одном. Мама, как всегда, на работе. Куда идти? Правильно! К своим. Там и накормят, и умоют, и телик посмотреть дадут, ну и по хозяйству озадачат.

Черноволосый красивый мальчишка встретил меня у порога, втащил в квартиру, а сам отправился на кухню – греть кашу для Таньки, воздушного создания пяти лет от роду. Их родители тоже были на работе. Естественно, день пролетел. Пришла мама, все по-родственному посидели на кухне, обсудили работу, соседей, проблемы и новости. И я отпросился остаться ночевать в Андрюхиной комнате. Он всегда рассказывал много интересного. Естественно, хотелось пообщаться. Тем более, впереди воскресенье. Да, в ту пору в школах была шестидневка, и в субботу детвора усердно грызла гранит науки. Так вот, я остался ночевать у родственников. Думаю, дальше попробую рассказывать более художественно, что ли.

Мальчишеские игры неизменны во все времена. Пошептаться перед сном – святое дело. Обо всём болтали. Я рассказывал о школе, о друзьях, о своих проблемах. Андрей тоже порассказал о своих делах, а потом перешёл на разговор о девчонках. И по большому секрету поведал, для чего существуют такие различия между парнями и девочками. Правда, я к тому моменту уже знал, откуда берутся дети и как это происходит. Про первое ещё в садике отщущукались, а второе... Съездили с мамой как-то в гости в деревню. Взрослые напились, а потом мать куда-то делась. Вроде в какую-то комнату. Ну а я, как истинный маменькин сынок, хотел тоже туда... Но меня завернули. И тогда я подсмотрел, дождавшись, пока старшие разойдутся. В общем, увидел процесс во всех подробностях. Стало хреново. По разным причинам. Но после того перестал обижаться на отца, что он с нами не живёт. Думаю, больше тут говорить не о чем. А ту ночь, на кровати с братом, я и сказал с чувством внутренней «взрослости»:

- Да знаю я всё это.

- Даже так, - Андрюха хитро дунул мне в ухо, помолчал и спросил: - А про минет

слышал?

- Это когда сосут, что ли? – у меня аж лицо загорелось.

- Ну, да, - подтвердил брат.

Мне стало не по себе. Смущение заставило зарыться под одеяло с головой. Андрей нырнул ко мне и прошептал:

- Говорят, это приятно. Хочешь попробовать?

- Отстань, - меня начало потряхивать от стыда.

- Да ладно тебе, - раздалось во тьме. Андрей скользнул ниже, положил горячую ладонь мне на живот и добавил: - Только, чур, в рот не ссать.

Я хихикнул. Не буду описывать дальнейшее. Когда мы выпростили головы из-под одеяла, – глотнуть свежего воздуха, - Андрей сурово сказал:

– Ладно, давай спать. И никому никогда не говори об этом.

- Почему? – удивился я.

- Пидором обзывать будут и бить, - лаконично ответил брат, а я задумался. Все мои друзья, одноклассники и просто знакомые мальчишки знали, кто такие эти «пидоры» и чем они занимаются. Гадость какая, подумалось тогда. Но...

В темноте и тишине я лежал, долго не сомкнув глаз. За окном светлел город своими огнями, а в голове роились ощущения. Скоро стало понятно, что мне понравилось то, что мы творили.

Так вокруг меня появились ещё флажки, понятные только сейчас. Могу объяснить, дорогой читатель. То, что мне понравилось – плохо. Те, кто этим занимаются – плохие, их не любят, бьют и смеются над ними. Я должен... Закладка долга перед кем-нибудь – тоже флажок. Оно и до этого бывало, вспомните садик – там я тоже должен был соответствовать, всем должен, стране, садику, товарищам по группе, воспитателям, родителям. Должен, должен, должен. И ребёнок в моём лице, пусть и подспудно, но впитал эту установку, как и многие, росшие в тех условиях.

Впрочем, к утру всё случившееся той ночью ушло на задворки памяти и эмоций. Детская жизнь – она скоротечная, стремительная и многодельная. Но запомнил я ту ночь на всю жизнь, наверное. Как и следующий ноябрь, в котором открылась другая сторона моей натуры.

===== Глава 3. Недоубийца малых лет (Остракизмология, том второй).
=====

Вступление-три.

Дети – они жестокие звери в сути своей. Прямые в суждениях и действиях. Плохо, когда рядом не находится взрослых, способных направить энергию подростка в нужное русло, объяснить, что такое «хорошо», что такое «плохо». Расставить те самые флажки, оберегающие нас во взрослой жизни среди других. Но ещё хуже, когда в сложной ситуации ребёнка буквально размазывают, превращая в бесхребетное существо, вбивая в голову и душу, что он не имеет права отстаивать свои желания **ВООБЩЕ**, и не важно – правильно он делает или нет. Себя я не оправдываю. Я сделал плохое дело, чудовищное. То, что случилось – действительно мерзко и заслуживало наказания. Но сейчас, с высоты взрослого, могу сказать – ненавижу вас всех. За то, что вы со мной сделали тогда в отместку. Вы на удар детской руки ответили паровым катком системы. Вы меня раздавили.

Глава 3.

Недоубийца малых лет (Остракизмология, том второй).

Первый снег тогда выпал жиденский и быстро стаял, оставив клочки серой грязи в самых тенистых местах пришкольного двора. В тот день у нас было мало уроков, и потому воспитательница начальной школы, наша классная, усадила весь класс решать домашку по математике. У меня и ещё у одного мальчишки на решение примеров и задач ушло времени всего ничего. В итоге нас отправили проветриться на улицу, чтобы не мешали остальным шумом и стонами заскучавшей выпы. Так выразилась Инесса Валентиновна, наш классрук. В странной школе я учился тогда. С недельным пребыванием. Домой я попадал только на выходные. Так что подобные ситуации посреди учебной недели возникали часто. Моего товарища-одноклассника звали Эдиком. Мы решили, что пойдём к центрифуге. Поставил кто-то когда-то в одном из углов большого двора с бюстом Ильича напротив крыльца большой барабан из сломанной прачечной машины. И мы все любили забираться в неё и крутиться. Кто-нибудь разгонял незатейливый аттракцион, и те, кто сидел внутри, с воплями представляли себя в ракете... Ну или в машине, или ещё где.

Спустившись в подвал, забрали в раздевалке осенние куртки и выбежали наружу. Вообще, тупо гулять тоже было скучновато. Но мы начали болтать о том, о сём. Посреди разговора о каком-то кино Эдик вдруг выдал фразу:

- Чего-то ты хилый, Вовка.

Я поёжился. Это напомнило мне о двух приятелях в классе, которые почему-то решили, что меня надо воспитывать, заставлять заниматься спортом и всячески донимать. Этот, четвёртый класс, не стал исключением. Прямо с первого сентября Толька и Сергей взялись за меня, словно других дел не было. Это было очень обидно и злило. И сейчас мне стало не по себе. Он тоже, что ли, решил, что меня можно шпынять? Мы же вроде бы друзья... Добрались до центрифуги, долго ходили вокруг неё, продолжая болтать. Между делом я допинал случайно найденную в кустах палку до нашего школьного развлечения. В итоге Эдик залез в крутилку и скомандовал:

- Разгоняй! Я первый!

Я со смехом принялся вращать центрифугу, поставленную вертикально, из которой торчал по пояс Эдька. Правда, это быстро надоело. И я отошёл в сторону со словами:

- Остановится, вылазь. Я тоже хочу покататься.

- Вот ещё! – выдал Эдик, глядя свысока. – Твоё дело крутить. Вот и крути.

Это было уже что-то новенькое. Меня снова царапнуло – неужели всё-таки он такой же, как те двое? Вообще никто в классе ни разу за меня не заступился. Словно боялись оказаться на моём месте. Хорошо, хоть общались спокойно, без гадостей. Кроме тех двоих, естественно. А теперь ещё и Эдик? И я отошёл ещё дальше от центрифуги со словами:

- Вылазь давай, моя очередь.

- Не вылезу, - ответил Эдька. – Ещё всякому чму место уступать!

Я не поверил своим ушам. Всё-таки не зря он в последние дни крутился возле Тольки с Серёгой. А Эдик добавил:

- Чего встал? Крути давай, чмо очкастое!

Знаете, раньше ношение очков превращалось в клеймо, позорную черту, делающую из человека изгоя. У кого четыре глаза – тот похож на водолаза. Правда, здоровское сравнение? А вот в детстве так не казалось. Тем более, что это – самое мягкое и необидное из определений, которые мне давали в классе. Особенно после отбоя в пришкольном общежитии. Но даже Толька и Сергей не позволяли себе настолько унижать меня. Да, они презирали хилое существо десяти лет от роду, шпыняли, преследовали, обзывались. Было, из

песни слова не выкинешь. Почему мирное настроение у таких считается слабостью? Я любил и сейчас люблю читать книги. Конфликты же старался избегать. До определённого возраста. Тогда же меня словно что-то переклинило. Я ощутил жар на щеках, спокойно снял очки, подошёл к центрифуге, крутанул её, наклонился и поднял давешнюю палку. После чего нанёс удар. Один. По голове.

Эдька вскрикнул, сел внутри барабана и завыл. Слово пелена лопнула в моей голове. Растерянно уронив оружие, я подхватился на руках, заглянул в центрифугу и обомлел. Одноклассник сидел на корточках, зажав руками лицо, а по ладоням тонким ручейком текла кровь. Эдик натурально выл. Я отшатнулся, отбив пятки, судорожно вцепился в полы своей куртки, крутанул и помчался в школу. Влетев в класс, я растерянно махнул рукой, глядя в глаза классной руководительнице, офигевшей от вторжения, и выдавил из себя:

- Там... Эдьке... плохо.

Чёрная мысль пронзила голову: это же я... Я сделал такое с Эдиком. Моя рука нанесла ему рану, пусть и через палку. Не долго думая, я сорвался вон из класса и усвистал в подвал, чувствуя, как наливается свинцом голова. Покачиваясь от дурноты, я забился в самый тёмный угол нашей раздевалки, уселся на пол и затих. Слово это могло уберечь от последствий моего поступка.

Разумеется, меня нашли. Инесса Валентиновна, бледная и напуганная, схватила за руку и потащила к директору. Дальше всё происходило где-то в тумане. Помню крики, глухие вопросы, тряску. Но мне стало так плохо, что взрослые оставили в покое. А в голове бились уже другие мысли. За что? Что я им такого сделал, этим мучителям? Из-за них ведь, из-за постоянных издевательств так всё получилось. Эти двое, ненавижу их...

Через час всю школу собрали на линейку... Опять, опять стоять перед строем презирующих, правильных, хороших. Я прошёл через этот ад. Внутри вызрели камень и понимание, что всё же этот мир – дерьмо. И да – поступать, как я, хреново. Недопустимо, ужасно и мерзко. Ещё я узнал на этой линейке, что палка была с одним гвоздём. Мне горестным тоном судьи рассказали, что гвоздь почти пробил голову Эдику. Ещё бы на сантиметр к уху, и попал в висок. А это... Что такое попасть в висок я знал и знаю. Я ведь действительно оказался в шаге от убийства. В этом все они правы. Недоубивец мелкий, вот кто я стал в глазах всех. Одноклассники, учителя, работники школы... И в таком кошмаре пришлось прожить в школе до конца учебного года.

Мне мстили за Эдьку. Зимой украли единственную тёплую куртку. Всё время подставляли и тайком били. Слегка, правда. Никто не хотел влипнуть. После моей выходки школа попала под особый контроль органов. Меня и мою маму дёргали несколько раз на «доверительный разговор». А в мае следующего года, когда до конца учёбы в четвёртом классе оставались считанные дни, состоялся эпичный полуфинал мести одноклассников. Мы сами носили постельное бельё в прачечную, через дорогу от главных ворот школы. Железные ворота блестели новой краской. Пока сдавали грязное бельё, пару раз мне прилетело, но больше по привычке. Надежда, что всё заканчивается, росла во мне с каждым днём. Тёплое весеннее солнце грело просто замечательно. Задумавшись о своём, я подошёл к воротной стойке, на которой на петлях болталась одна из створок ворот и ухватился пальцами левой руки за железо. И тут жуткая боль сдавила кисть. Железная пластина створки налегла на мои пальцы, до хруста сплющивая суставы и мясо. Ещё не понимая, что случилось, я посмотрел в сторону другой стороны створки. Там стояли трое: Толик, Сергей и Эдька. С кривыми ухмылками они смотрели в ответ. Руки Сергея сжимала железную полосу

рамы ворот. Только сделал в мою сторону два шага, посмотрел прямо в глаза и сказал:

- Это тебе за ту палку, урод.

И тут в руке вспыхнула настоящая боль. Потому что Сергей шевельнул створку, освобождая мои пальцы... Потом больница, снимки, лёгкая укоризна хулиганам. А как же иначе? Их можно понять, оказывается. Я же больной псих, кидающийся ни с того, ни с сего на людей. Такого не грех и приласкать пожётче. Это прямо читалось в глазах классной руководительницы. В пятый класс я пошёл в другую школу. Не хотелось дожить до финала, который был неизбежен, останься я в тех стенах.

Комментарий к Глава 3. Недоубийца малых лет (Остракизмология, том второй).

Как считаете, дети - действительно цветы жизни? Даже когда жестоки?

===== Глава 4. Двойное притяжение. =====

Вступление-четыре.

Следующие три года прошли как-то вяло и пусто. Учился с тройки на четвёрку, гулять ходил редко. В нашем районе жило много бывших одноклассников, не хотелось попасть под раздачу. Кто-то скажет, что это трусость. И они будут правы. Ведь из той ситуации я вынес ещё парочку особо крупных флагов, пугающих и стойких. Защищать себя нельзя. Чем сильнее защищаешься, тем больнее прилетит в ответ. Намного сильнее, жутко сильнее. Так не лучше ли вообще ничего не делать? Не отвечать? Если никто не заметит, то и не сделает ничего такого, от чего придётся защищаться. А ведь этого делать нельзя категорически, если хочешь жить. Нельзя отстаивать свои интересы, нельзя... Это чревато. Как вам такой флаг? А второй флаг – про наказание. Мои интересы – плохие. Из-за них кто-нибудь может пострадать. Пострадать сильно, даже насмерть. В том числе и я сам. Суперфлаги. Через которые перешагнуть невозможно. В седьмом классе со мной стала общаться одна из бывших одноклассниц. Мы не могли не пересечься – жили в соседних домах. Меня тянуло к ней. Но не только. А ещё к лету нашего с матерью переезда некоторые флаги вокруг меня подросли и заматерели.

Глава 4.

Двойное притяжение.

Это не была влюблённость, наверное. Скорее, желание быть рядом, дружить, секретничать и встречаться. Наташка была «своя». С ней ничего не стоило уйти на пустырь покурить, обсудить бывших и нынешних одноклассников. Она так и не смогла понять, почему я ушёл из той школы, сама продолжала в ней учиться. Объяснить ей, что свинтил не из-за того случая с палкой, а из-за двух с половиной уродов, не мог. Это всё равно, что признаться в «тряпчности», прежде всего – самому себе. Другой на моём месте выгрыз бы себе пляжик под солнцем, а я не смог. Поскольку отстаивать свои желания нельзя, чтобы не натворить бед. Разве нет?

Иногда я забегал к ней в гости, когда родителей не было. Жили они не то, чтобы богато, но и не бедовали, как мы с матерью, которой приходилось работать на двух работах. Отец так и не признал меня, навдывался пару раз за год. Что, зачем – не знаю. В общем, ходил я в чём попало, не грязно – и ладно. Как-то раз, когда мы с Наткой болтали о книгах (моя вечная страсть – чтение), пришли её родители. И впервые познакомились со мной. Такой судорожной попытки сдержать брезгливость, как у них на лицах, я никогда до той поры не видел, да и после тоже. Вежливо поздоровавшись, они тут же увели Натку пообщаться на кухню. На слух не жалуюсь. Там у них состоялся интересный диалог, от которого меня бросило в жар и заставило спешно втихую уйти. Будто воришка испарился. Но терпеть

унижение было выше моих сил.

- Это о нём ты рассказывала, Наташа? – голос мамы.

- Какой-то он не очень, - это отец.

- Нормальный он, - и Наташка.

- Ты посмотри на его обувь, - снова мама. – Нищета какая. А куртка? Старьё.

- Знаешь, дочь, - вновь отец. – Мы, конечно, тебе доверяем, но подумай сама. А если он что-нибудь украдёт?

И я ушёл, не стал слушать дальше. Конечно, на улице мы продолжали встречаться, но к ней домой я больше – ни ногой. И все попытки Наталки попросить прощения за родителей пресекал. Словно ничего не было. Ну, не должна она стыдиться родителей, нельзя так. А меня стыдиться можно. Но именно в тот день я впервые заговорил с матерью о переезде в другой город. Остаться здесь, в наших пенатах, было невмоготу. Терпеть всё это, постоянно испытывать стыд, чего-то кому-то доказывать... Врагу не пожелаю. Конечно, на новом месте лучше особо не стало. Но там хоть лица только новые. Но это я уже вперёд забежал.

С не меньшим интересом я в ту пору дружил с парнем из своего нового класса, по имени Игорь. Самое главное для меня в нём было то, что жил он также с матерью, без отца. И не лучше меня. Хотя вру. У них дома всегда были новые книги. Его мать подрабатывала на рынке продавцом книг. И часто приносила домой на передержку товар. Именно у них в квартире я мог оставаться сутками. Это было моё Книжное королевство. А Игорь – верный друг и соратник. Мы читали запоем, обсуждали книги, гуляли до поздней ночи, часто вместе делали уроки. Он оставался моим лучшим другом до самого нашего с мамой отъезда.

И сейчас я понимаю, что тянуло меня к нему не только, как к другу и источнику книг. Мне нравилось быть рядом с ним, касаться руки или плеча при случае, болтать о всяком разном. Просто он мне нравился во всех смыслах. Но ни единого движения, жеста, слова за рамки дружеских отношений. Не было там осознанных мечтаний и желаний. Только что-то эфемерное, пространное и тёплое. Не более того.

В школе дела шли спокойно, без особых пятёрок, но и без шквала троек. Средненько, я бы сказал. Периодически сталкивался на улице с бывшими одноклассниками. Их в нашем районе, кроме Натки, проживало трое. В том числе тот самый Сергей, верный друг и соратник Анатолия, моего главного мучителя и доставалы. Что интересно, без Толика Серёга вёл себя как-то спокойнее, тише, даже как-то покровительственно. Помню, он затащил как-то к себе в гости - похвастался колодой эротических карт. Да, время было такое. Моряки из загранки чего только не привозили.

Ещё в соседнем со мной доме жил Женька Шелест. Он никогда не доставал меня. Ему вообще было пофиг на мою персону. Своя жизнь, свои друзья, свои интересы. Я прям нарадоваться на это не мог. Третьим был Петька Петухов, маленького роста агрессор. Но и он ко мне относился со странным пониманием. Мы никогда не обсуждали ТО происшествие. Несколько раз он говорил, что жалеет, что я ушёл. В общем-то это всё.

Видеть кого-либо из старых знакомых не хотелось. Время шло, подкралось завершение седьмого класса. В те дни в моей жизни вообще стало пусто и тоскливо. Я не мог дружить, видеть, как кто-то что-то делает, бродит, гуляет... Всё время казалось, что вот сейчас появятся всё те же Толик с Сергеем и начнут доставать. Как навязчивая идея, право слово. Тем более, Серёга жил неподалёку и регулярно вылавливал меня на улице, чтобы что-нибудь этакое высказать.

Спасение пришло от мамы. Она умудрилась в хлам разругаться с нашей роднёй, с обеими своими сёстрами. Что там послужило этому причиной, не важно. Главное – результат. Она решила уехать и меня забрать с собой. Отец к тому моменту уже работал на берегу и знать нас не хотел. За три года я всего два раза побывал у него дома. При этом умудрился познакомиться с одной из любовниц. Потасканные тётки спокойно опаивали отца, вытаскивали все деньги и тратили на себя, а он потом перебивался с копейки на копейку. Но, блин, никогда не унывал. Надо отдать должное.

Летом мы переехали в соседний город. Мать сразу нашла работу, изолировщицей. То есть возня со стекловатой, обшивание труб и прочие прелести, убивающие здоровье. А я пошёл уже в третью школу. Восьмой класс, новые люди, никому нет дела до того, кто я и что было где-то когда-то. Именно тогда меня начало отпускать непрерывное ожидание подлянки. Я смог начать дышать заново. Несколько лет периодически навещался в родной город, навещал родню (я-то с ними не ссорился). Жизнь вроде стала выравниваться. Однако, флаги «не суйся» и «не высывайся» потяжелели, стали зримее, злее. Моя раковина окончательно обрела форму и стала каменеть. Но всё по порядку.

Комментарий к Глава 4. Двойное притяжение.

Главное скопище штампов - наша жизнь, не правда ли?

===== Глава 5. Хотеть - вредно (Остракизмология, том третий). =====

Вступление-пять.

Четырнадцать лет – время созревания, когда мальчик становится юношей. Начинает становиться. Изменения в организме, наплывы гормональных встрясок, стояк по утрам и мучения в туалете, когда надо отлить, а кое-что не даёт (не в потолок же бить?)... Многим парням знакомо? Это действительно забавно. Девчонкам такого не понять. Сейчас я понимаю, что до выпускного был глух ко всему вокруг. Когда другие парни гуляли с девчонками, учились быть взрослыми, мои комплексы остановили моё развитие на уровне подростка. Инфантильность – наше всё. И рукоблудие. Ежедневно, еженощно, много и везде. Ещё один снос мозга.

Глава 5.

Хотеть – вредно (Остракизмология, том третий).

Это был очень тяжёлый период в нашей с мамой жизни. Через два года после переезда у неё диагностировали рак по женской части, подлечили и дали инвалидность третьей группы. Нам и без того жилось тяжело, а теперь стало очень трудно. При этом моя страсть к чтению не утихла. И я пошёл работать. После школы ездил на оптовую базу выгружать машины. Спина болела чудовищно, зато в карманах появились кое-какие деньги. Хватало и домой продуктов прикупить, и книгу интересную приобрести.

Одноклассники определялись со своим будущим. Девчонки решали, кто чего хочет от жизни. Мне было пофиг. Лишь бы доучиться. Всякое бывало. И ссоры, и склоки, и взаимопомощь. И ошибки, и достижения. Но мы с мамой стали отдаляться друг от друга. Началось с того, что мои покупки книг стали вызывать у неё раздражение. Ведь эти деньги можно было принести в дом. С одной стороны, её можно понять. С другой – я ведь мог вообще не работать, а просто сидеть у неё на шее... Так почему мне нельзя хоть иногда осуществлять свои «хотелки», маленькие и грустные? А они ведь у меня были. Но вот ведь... Оказалось, хотеть – вредно. Для отношений с близкими. Новый флажок нарисовался быстро и занял достойное место на верёвке вокруг меня. Да, мы с мамой ругались из-за книг и моих трат. В отместку я отваживал её «друзей».

Сейчас могу честно сказать – дурак был. Так у мамы и не появилось в результате второй половинки. В том числе из-за меня, старшеклассника, эгоиста и инфантила, страшщегося выпасть из маминого круга внимания. Прощения не просил и не попрошу. Оба были хороши. Но пройду по порядку. Первым на горизонте нарисовался странный тип обычной наружности и с пулей в голове. Любил носить свитера, строить из себя возвышенное нечто и рубаху-парня. При матери. А когда она уходила на смену (инвалидность третьей группы позволяет работать сторожем и тому подобным), я видел его другим. Он вдруг начинал крутиться вокруг меня, чего-то вещать, трогать за руки. Но я видел, что надо ему нечто другое.

Как он исчез из нашей жизни? Помню, они с матерью поругались. Из-за меня, видимо. Потому что потом случилось такое, отчего меня до сих пор смех разбирает. Был у меня фотоаппарат, ещё отцовский. И он начал рассыпаться. Так этот «друг» наговорил мне, что знает в одном из соседних посёлков человека, у которого точно такой же есть. Можно съездить и выкупить. Ну, мы поехали. Электричка шла около часа. Мы вышли, он потащил меня по улицам посёлка, а в какой-то момент исчез, проворчав что-то на тему: «Щас вернусь». Час нету, два... Мне надоело ждать и шарахаться по зимней улице. Денег на обратную дорогу нет, но когда это кого смущало? Кондукторша в электричке отнеслась с пониманием. Ну, а дома – картина маслом. Оно, а иначе не скажешь, наклюкалось и таскалось по квартире со стартовым пистолетом в руке. Который капсулями стреляет. Увидев меня, он как-то изменился в лице, сунул руку под свитер и нажал на курок. Бабахнуло до звона в ушах. Свитер, естественно, прожгло. Запахло палёной шерстью. Я разделся в прихожей, прошёл в зал и стал с интересом смотреть, что дальше будет. А это чудо спокойно снимает с себя штаны с трусами, расставляет ноги, направляет на меня «стартовик» и говорит:

- Приласкай меня.

Это было что-то с чем-то. От удивления я даже не нашёл что сказать. Мужик же вздохнул, пальнул во второй раз и, шатаясь, удалился в ванную комнату. Естественно, я пошёл следом. По гроб жизни буду помнить это эпическое полотно. Голый по пояс мужик (в смысле – от пяток до пояса) в свитере валяется на полу в ванной комнате, дронит и тычет «стартовиком» себе в рот. В общем, на этом всё и кончилось. Заснул сном младенца. А через пару часов пришла мать. Увидев картину, она чуть не сползла по стенке, но удержалась. Когда тип протрезвел, мама выставила его в зашей, без выходного пособия. А вот мне до сих пор интересно... Он вывез меня, чтобы оставить далеко-далеко, как котёнка, что ли?

Второй экземпляр суровой наружности вошёл в нашу жизнь через пару месяцев. Зима кончилась, в порт потянулись моряки, возвращающиеся из загранки. И мама познакомилась с одним таким «спечкибряком и жопомвракушках». Нет, вы не подумайте. Я постарался отнестись к дядьке с пониманием. Мама влюбилась, это было видно, помолодела, похорошела. Всё было замечательно. Два месяца. Потом он опять ушёл в рейс, сооротив из себя Карлсона (обещал вернуться)... И с концами. Его я не отваживал, честно. Он отвадился сам. Адрес морячка был известен. Ну, я и съездил в родной город (а он был родом оттуда), повидать, поговорить. На звонок дверь распахнулась сразу. Увидев меня, он аж ростом меньше стал, выскочил на площадку и зашептал что-то про то, что он женат, у него дети, моя мама лучше всех, но... Это треклятое «но». Как я не съездил ему по морде? А флаги не дали. Нельзя ведь отстаивать своё, правда?

Ну а третий – вообще случай из разряда странных. Не такой уникальный, как первый. И

не такой пустышка, как второй. Но именно со мной он не нашёл общего языка. Думаете, я приложил к этому усилия? Ничего подобного. Просто он начал диктовать мне, что и как делать, что любить, чем заниматься... И в итоге покусился на святое – выкинул мой фотоархив. Типа – хламу место в мусорке. За что и получил. Именно после этого я выдвинул матери ультиматум – или он, или я. Мама выбрала меня. Но, честно, я бы заткнулся, если бы не одно обстоятельство. Этот не-мужик (по-другому его нельзя назвать) воспринял мою мать, как бесплатную рабсилу. Она помогала ему ремонтировать квартиры, обустраивать какие-то дачи. Он брал за это с людей деньги, а ей не давал ни копейки. Мама, по основной профессии строитель, молчала и работала. А я вот не смог стерпеть. И случай с моим архивом стал последней каплей. В тот вечер, когда он ушёл, у нас в прихожей состоялся знаменательный разговор. Уставшая за день мать вышла его встречать после разговора со мной (про архив). Слово за слово, хреном по столу... И он совершил ошибку – начал рассказывать маме о том, кто она такая по жизни и как неправильно живёт, и вообще – что она... Впрочем, не стоит об этом. Его монолог закончился словами:

- И вы знаете, что я хороший!

- Какой? – спросил я настороженно.

- Я хороший, - и столько обиды было в глазах этого гада, что я не удержался:

- Плюнь тому в рожу, кто тебе это сказал.

Он с минуту смотрел мне в глаза, потом глянул на мать, развернулся и ушёл. С тех пор мы его не видели. И не жалели об этом ни мгновения. Хотя, может быть, я и ошибаюсь. Просто мама с тех дней больше никого себе не находила. Может быть, тоже поняла, что хотеть – вредно?

Так и закончились мои школьные годы. А рукоблудие и мозговынос продолжались ещё долго.

Комментарий к Глава 5. Хотеть - вредно (Остракизмология, том третий).

Встреченные на дороге жизни люди - вот настоящая кунсткамера образов...

===== Глава 6. Перронные истины. =====

Вступление-шесть.

Не закончились ни проблемы, ни странности, ни моя слепота. До осознания корня происходящего оставалось ещё много лет. А тогда, после школы, по настоянию матери я пошёл в «бурсу», в училище то есть. Денег всё время не хватало. Её пенсия по инвалидности не позволяла не то, что одежду новую купить, но и даже питаться более-менее сносно. А в те годы училище означало государственное содержание для детей из неполных семей в трудной жизненной ситуации. Не совсем же я был инфантильный ублюдок. Конечно, пошёл. Учился на повара по ускоренному курсу. Но не об этом речь. Вспоминается практика следующим после поступления в бурсу летом. Ещё один звоночек.

Глава 6.

Перронные истины.

Лето выдалось чисто нашим, приморским. Влажное, душное, иногда тёплое и солнечное. Нас направили проходить практику в один из трудовых лагерей для детей и подростков при каком-то предприятии под краевым центром. Заехали мы в пустые корпуса, выбрали себе крыло, стали обживать. Андрей, один из нашей группы, торжественно выставил на подоконник старенький кассетный магнитофон. Конечно же, нашлась кассета. С записями группы «Наутилус».

Лето моей молодости. Именно таким я его помню — вечер, фиолетовое небо, пригород,

корпуса лагеря, пиво на столе, тарелка с кислыми яблоками и музыка, сводящая с ума как нас, парней, так и девчонок, набившихся в комнату послушать, похихикать и покрутить носом.

И начались будни поварской практики. Настоящая ротация по кухне. Каждый из нас по очереди опробовал на себе все этапы нелёгкого кухонного труда, когда готовить надо на две сотни голодных душ. Ребяшня в лагере отдыхала дерзкая, буйная, смешливая и злая. А мы то драили тарелки, оттирая следы жратвы, полоская в двух ваннах с теплой и холодной водой, расставляя в сушилки. То пластовали рыбу или мясо для второго. То промывали крупы и готовили духмяные каши в огромных баках. А заварить чай так, чтобы всем понравилось — это настоящее искусство... И всё это под злые песни «Наутилуса» и «Алисы». Между сменами я повадился кататься в родной город, навещать знакомых, отца и Наташку с Игорем. Но уже было понятно, что толку от этого нет. Уже через неделю стало понятно — можно не ездить. А я ездил, ночевал у родни, смотрел по кабельному ТВ ужастики в плохом качестве, да и сами они были не лучшего качества, если честно. Но ведь всё равно здорово — за пару лет до этого и таких не было. Время перемен, только что распался Советский Союз. У всех ощущение небывалой эйфории.

Тем вечером я решил не ночевать у родственников. Пора было поумерить свою наглость и начать принимать деятельное участие в перевозке продуктов для лагеря. Так у нас стало заведено — одни на кухне, вторые на снабжении. Добираться надо было электричкой. Послonyaвшись по пустому перрону, я уселся на одну из деревянных скамеек и замер в ожидании транспорта. И надо же было такому случиться — в мою сторону двинулся парень, поднявшийся не перрон через пару минут после меня. Он с усмешкой уселся рядом и спросил:

- И не страшно одному тут?

- А чего бояться? - деланно равнодушно ответил я, хотя внутри всё застыло в ожидании неприятностей.

- И верно, - согласился случайный собеседник. - Бояться не стоит. Вот ты мне не нравишься...

Я слегка прикрыл глаза, ощущая холод в груди. А он продолжил с кривой усмешкой:

- Да, не нравишься ты мне, парень. Хлипкий ты внутри, это сразу видно. Но и кидаться на тебя не буду. Зачем? Люди должны жить в мире. Меня Олег зовут, если что...

Что он там говорил дальше, я не уловил. К перрону подкатила наконец электричка, и я поспешил спрятаться в вагон. Через пару остановок вышел и по тёмной тропинке пошёл от станции к лагерю. Идти было минут двадцать, в самый раз подумать о многом. Слова парня о людях и мире оставили в душе горечь. Шагами измеряя ночную тьму, я шёл туда, где никому в общем-то не был нужен. Зачем? Почему иду? Должен? А кому и с чего вдруг оказался должен? Над головой из туч вынырнула белая луна, на миг окрасив мир вокруг в мертвенное серебро. Ветер шелестел в листве деревьев, где-то рядом шумела автострада. А здесь, в узкой лесной полосе, на тропе, не было никого и ничего. Только я, мои мысли, луна и покой. Люди должны жить в мире. Вот, даже это мы должны. Почему человек всегда всем вокруг должен с рождения? Что за дикая установка? Так и думал о всяком до самого лагеря.

Войдя в комнату, застал кильдым — Андрюха расслаблялся с двумя девчонками из нашей группы. Увидев меня, он весело сказал:

- А вот и пропащий нарисовался!

Я лишь молча улыбнулся, скинул с плеч куртку, повесил её на вешалку и уселся на свою

кровать. Ленка, гнездившаяся там до моего прихода, благополучно упорхнула поближе к моему соседу (то есть на его кровать). Андрей покачал головой и со вздохом добавил:

- Нелюдимый ты, Вовка. Бука. Ни с кем не разговариваешь, не знакомишься.

- Почему же, - не согласился я. - Вот сейчас, когда ждал электрон сюда, познакомился на перроне с человеком, поболтали.

- И как её зовут? - деланно удивился Андрей.

- Олег, - брякнул я, и только потом до меня дошла суть вопроса. Пришлось на автомате засмеяться первым. Я улыбнулся и спокойно сказал:

- Поймал, поймал...

- Всегда знала, что в тебе есть что-то такое, - Ленка втянула ноги на кровать и притихла. Вскоре вечерние посиделки сдулись. Я ни о чём не думал, просто лёг спать.

День за днём, ночь за ночью, простая ровная жизнь. Практика кончилась, проскочили экзамены. Проскочило всё. На душе было настолько ровно, отутюжено безразличием, что сам порой удивляюсь — а как я выжил? Но кончилась и бурса. Настало время большой взрослой жизни.

Комментарий к Глава 6. Перронные истины.

Как думаете, такой человек в реальности возможен, как герой этого произведения?

===== Глава 7. Армейский буднь. =====

Вступление-семь.

Когда много лет спустя мне в руки попался некий «фанфик» про любовь геев в армии, прочитал в нём много слащавых вздохов и ахов на тему красоты мужчин в форме, молодых нерастраченных гормонов и (хе-хе) неспаленных никем отношений между парнями. Ага, щас. В армии. В казарме. Среди бдительных старшин и чутких «дедов»... Да ещё и «салаги» по ночам бдят, чтоб их никто не обидел ненароком или специально. Что за бред? Когда меня после нескольких месяцев работы в школьной столовой забрали в родную армию, все ужасы «дедовщины», обещанной в СМИ и в разговорах со знакомыми, прошли мимо моего сознания. Но я столкнулся с ней уже в первые дни, даже не успев принять присягу.

Глава 7.

Армейский буднь.

Скрип потёртых тормозных колодок сопровождали весь путь автобуса от военкомата до пересыльной части. Когда мы, два десятка юных морд, вывалились на серый плац, встречали пополнение три человека. Начальник части с капитанскими погонами, длинный и с отсутствием какого-либо интереса на худощавом лице. И два сержанта, похожие друг на друга как картошка на бублик. Слева от капитана монументально врос в асфальт начищенными сапогами коренастый парень в обычной форме стройбатовского матроса с нашивками в нужных местах. На его рыжих космах покоилась чёрная пилотка со звездой. А руки он заложил за спину. Второй сержант походил на типичного революционного моряка с «Авроры». Чёрные вихры из-под пилотки, любопытство на всё лицо, бешеные искры в глазах и никаких гранат на поясе и пулемётных лент через грудь, слава богу.

Капитан выступил вперёд, окинул нас сонным взглядом серых глаз и негромко сказал:

- С приездом, товарищи гражданские. Сейчас сержант Татаренко отведёт вас на склад, где вы сдадите своё имущество на временное хранение. Перед принятием присяги вам выдадут форму, а то, что на вас, надо будет также сдать к своим вещам. Потом при случае куда-нибудь денете. Все ценные личные вещи сдавать мне лично под расписку. Они будут храниться в сейфе нашей части. К ценным вещам мы относим деньги, любые документы и

часы. Свои паспорта вы уже сдали в военкомате. Выданные вам военные билеты также сдаёте мне на заполнение. После всех этих формальностей сержант Хромов отведёт вас во вторую казарму, где определит на места. Там у нас как раз сейчас пребывают такие же первогодки, как и вы. Они совсем недавно приняли присягу. Думаю, найдёте общий язык. Баня у нас два раза в неделю, по средам и воскресеньям. Сегодня четверг, помните. Пока вы не приняли присягу, считаетесь гражданскими лицами, временно пребывающими на территории воинской части. И обязаны соблюдать правила нахождения на ней. Территорию не покидать, курить в отведённых местах, распорядок один для всех. Отбой в двадцать два часа, подъём в шесть утра. Остальное до вас доведут сержанты. Все за мной.

Речь оказалась длинной, но никто из нас не подал виду, что ему скучно или интересно. А потом настала пора знакомиться с обитателями части, не отяжелёнными никакими погонами. Такие же, как мы, разве что успели принять присягу. Во внутреннем кармане моей старой куртки уютной тяжестью ощущалась стеклянная фляга с водкой, не отобранная бдительным офицером-сопровождающим. После распределения коек в казарме нас, новоприбывших, отпустили побродить по территории. Обед мы пропустили, а до ужина времени оставалось много. И я недолго думая отправился в сторону крутого спуска к речному берегу, чтобы в одиночестве обдумать всё случившееся и свои безрадостные перспективы. Следом за мной спустился темноволосый коренастый паренёк в застиранной форме и бушлате на плечах. В общем-то, мне было всё равно. Нимало не смущаясь, я вытащил наружу ёмкость, открутил крышку и приложился, вытянув треть обжигающей дряни. В те времена достать нормальное пойло было очень сложно. И в моей таре плескалась сивуха из тех, что торговали ушлые бабки в каждом доме нашего городка.

Голос у парня оказался басовитый и слегка сиплый. Он протянул руку и сказал:

- Сюда дай.

Искоса посмотрев на него, я равнодушно отпил ещё, уже до половины, и молча протянул фляжку ему. Он вздохнул, принял тару и понюхал содержимое, после чего глотнул, сморщился и выдал:

- Идеально.

Слово за слово, и мы познакомились. Егор оказался из соседней области, жил до армии в каком-то леспромхозе, а на перевале сейчас ждёт, когда их пятерых отправят в назначенную для службы часть. Парень всё время что-то рассказывал, мне же было до одного места происходящее. Жалел только, что мама будет переживать. Потому что был уверен - дедовщина меня не минует. Именно меня, молчуна и тихоню, старающегося не отвечать.

Пару дней мы кантовались в части, потом новоприбывших начальство части отправило в госпиталь в соседнем городке проходить полноценную медкомиссию. Там, в этом военном госпитале, было хорошо. Кормили сносно, режим не напрягал, доктора не строили особо. Мы же всё-таки гражданские лица. Зачем-то согласился набить на левом плече "партак". Грубая неумелая татуха группы крови привела врача-куратора в ярость. По шее получили и я, и тот, кто возомнил себя набивщиком. Не буду рассказывать обо всём этом. Просто в один прекрасный день врач-психиатр объявил мне, что служить таким, как я, противопоказано. "Тебе даже лопату в руки давать нельзя... Вспыхнешь и прийдёшь кого-нибудь особенно прыткого", - проворчал он, подписывая комиссионный лист. Внимательно посмотрев мне в глаза, доктор грустно усмехнулся и добавил: "Даже не знаю, поздравлять тебя или сочувствовать. С такой отметкой трудно тебе будет, парень. Самое грустное тут знаешь что?"

У тебя действительно проблемы. Ты асоциальный тип. Долго в замкнутом коллективе тебе находиться нельзя. Так что в море тебе путь точно заказан, как и на всякие вахты. Имей в виду, когда будешь работу искать”. Больше мы с ним не разговаривали. Нас, проболтавшихся в госпитале почти месяц, отвезли обратно в пересыльную часть. Прямо на плацу капитан просмотрел заключения комиссии, бросил в мою сторону острый взгляд, покачал головой и отпустил гулять до обеда, поручив лишь добровольно заняться подметанием территории или помощью на кухне.

Егор нашёл меня за чисткой картошки. Постояв в дверях пару минут с тяжёлым взглядом, он глухо проговорил:

- Везёт тебе. Домой поедешь.

- С чего вдруг? - я пожал плечами.

- Комиссовали тебя, Вовка. Там ребята из канцелярии посмотрели листы. Так что радуйся.

- Я радуюсь, - равнодушие внутри слегка треснуло. Перспектива вернуться в стены родного дома напомнила о себе ноющей струной в груди. Егор помолчал и убрался с кухни.

А ночью меня таки решили повоспитывать на дорожку. То ли зависть, то ли принцип такой - чтоб никто не ушёл обиженным недостатком внимания со стороны “дедов”, не знаю. Проснулся я от удара в глаз. Знаете, аж звёзды увидел. Надо мной стоял Егор и с кривой усмешкой смотрел прямо в глаза. И столько безысходности вдруг обрушилось на душу, что я даже не стал закрываться, кричать или отмахиваться. Особенно последнее - вдруг опять покалечу кого-нибудь, как тогда, в школе...

В общем, утром я около часа побродил по части, взвешивая все за и против, а потом просто пошёл в канцелярию, нашёл капитана и написал заявление по избиению. Офицера кривило и корёжило знатно. Но факт был на лице, так сказать. После я настоял, что покину часть своим ходом. И вот так, со справкой для военкомата о комиссовании в кармане и вещмешком за плечами, просто ушёл. Было это в десять утра. Прогулка получилась хорошая, затянулась до восьми вечера. Меня всё-таки подобрал междугородный автобус. И ещё через пару часов я оказался на пороге родного дома.

Думаете, на этом эпопея со службой закончилась? Нет. Примерно через полгода, ранней осенью, я столкнулся на одной из автобусных остановок с парнем из группы Егора. Он тоже меня узнал, посмотрел, словно слизняка приметил, а затем сказал:

- Что, красный? Заложил и думаешь, не найдём?

- Ну, нашёл, - глядя ему в переносицу, сказал я. - И что дальше?

- Ничего, - парень усмехнулся и покачал головой. - Егора-то отправили в штрафбат на полгода.

- Сам виноват, - равнодушно ответил я.

Парень пристально посмотрел на меня, ещё раз покачал головой и молча ушёл с остановки. И тогда я понял, что всё - никто не будет меня искать и мстить. Я же потом несколько часов слонялся в том районе, отчаянно смоля одну за одной сигареты. Мысли одолевали разные. И ни одной хорошей. Почему так? Отчего? Зачем он вообще появился на горизонте и напомнил о том, в чём не хотелось признаваться себе? Да, чёрт возьми... Егор мне понравился, очень. Тем горше было то пробуждение. Тем злее оказалась обида. Обида, подогретая страхом.

Мысли понеслись совсем уж горькие. Всегда, всё время, получалось одно и то же. Знакомишься, приоткрываешь душу, а потом получаешь плевков... В лучшем случае. Неужели

я настолько страшен и уродлив? Настолько выбиваюсь из правильной жизни? Наверное, правы были учителя - мне не место среди нормальных. С этими мыслями я и побрёл домой пешком через половину города. Утром надо идти на работу... Да и плевать.

Комментарий к Глава 7. Армейский буднь.

А как вы думаете? Он правильно поступил, написав заявление?

===== Глава 8. Весёлые картинки. =====

Вступление-восемь.

Но меня всё-таки начало отпускать в те дни. Замороженность вдруг стала таять. Я с удивлением понял, что вокруг идёт какая-то жизнь, которая не имеет ко мне никакого отношения. Худо-бедно прошёл ещё год, я сменил три работы. Да, в те годы мне было совсем тяжело. Психиатр оказался прав. Я не мог оставаться среди одних и тех же людей дольше трёх-четырёх месяцев. Кем только не работал: сторожем, грузчиком, слесарем на заводе, разнорабочим... Даже попробовал учиться. На программиста. Хватило на половину первого курса. И не потому, что психика завывала, нет. Деньги кончились. Их и без того немного было. В итоге к лету очередного года я устроился подсобным рабочим на бывшую вязальную фабрику. Тогда-то она ещё не была бывшей. Там и матрасы шили, и рабочие перчатки вязали, много чего делали. Моё дело было таскать ткань и пряжу. Тяжеленные шгуки, скажу вам. Сейчас понимаю, что это был просто перерыв. Именно тогда флаги, которыми меня обложила жизнь, начали свою глушащую и оглушающую работу. Пресс самоподавления заработал в полную силу.

Глава 8.

Весёлые картинки.

- Вовка! Владимир! - женский призыв заставил меня разогнуться, бросив на полпути сетчатый мешок с пряжей. Татьяна, старшая вязальщица смены, уверенно подошла, сунув руки в карманы белого халата, и спросила:

- Ты точно должен знать! У кого можно с рук купить компьютер?

От такого вопроса я выпал в осадок. Середина 90-х на дворе, персоналки безумно дороги, а тут меня спрашивают о том, чего я и понятию не имею. Увидев моё недоумение, Татьяна сначала озадачилась, а затем рассмеялась и сказала:

- Я про приставку. Может, кто “Сегу” продаёт?

Сообразив, о чём идёт речь, я аж выдохнул с силой офигевшего кита. Тогда понятно. Я успел прикоснуться к волшебству пикселей на экране телевизора, и сейчас с интересом спросил:

- А зачем тебе?

- Да сын уже третью спалил с друзьями, играют по ночам, - ответила Татьяна. – Знаешь, что... А ты заходи сегодня к нам, познакомлю. Мой Пашка, как и ты, фотографией увлекается. Может, подружитесь.

Так и познакомился с замечательным парнем. Павел оказался шубутной, увлекающийся, фонтанирующий идеями самообразования и перспективами компьютерных игр. Сколько ночей мы провели за играми! Сколько дней отдали фотографированию... И он же познакомил меня с целой ватагой молодёжи на несколько лет младше меня. Все они были старшеклассники. Витька «Бакс» (потому что фамилия Зеленков), Эдик Игорььев – смешливое чудовище, Сашка Фигуренко – серьёзный работающий парень из большой семьи... И Сенька Штильман, звезда района, дитя состоятельных родителей, острослов и мечта всех девчонок. И это не преувеличение. Высокий, худой до изящества, темноволосый, с красивым

слегка смазливый лицом. Кровь с молоком – про таких когда-то говорили. Именно с ним я сдружился особенно сильно из той компании. Дошло до того, что чуть ли не стал членом семьи. Компанейские посиделки, пиво, девки – без этого никуда, конечно. Правда, последнее для меня оказалось неактуально в то время. Именно общаясь с Сеней, я понял, что же отличает меня от остальных. Он мне понравился до такой степени, что однажды пришло прозрение – я его хочу. И совсем не по-дружески. Когда это случилось? Почему? Помню отчётливо.

Новый год он позвал встречать с компанией в его квартире. Родители Сеньки специально уехали к своим друзьям, оставив плацдарм на разгромление, но с условием – навести с утра порядок. Конечно, им пообещали. Кильдым, кураж, веселье, хлопушки, водка, шампанское – что ещё надо для ловли куража? Однозначно – девчонки. И они там были. А мне они были до одного места. Всю ночь я медленно и молча напивался, украдкой наблюдая за буйством Сеньки, нырявшем в спальню то с одной, то с другой. Там вообще перебивала вся компания, кроме меня. Самое главное и хорошее – на мою отстранённость им было плевать. Мы просто веселились.

Когда Сенька пошёл в спальню с третьей раскрасневшейся подругой, я и понял, что готов оторвать от него эту крашеную прощмандовку, оградить, увести парня в ночь. Это поразило. Всё-таки на тот момент мои двадцать лет уже перешли из количества в качество. И многие вещи понимал ясно. В том числе и «нетрадиционные» отношения. Просто старательно делал вид, что таких не бывает. А тут до меня дошло, что вот оно – то, что вселило в меня равнодушие. Невозможность в нашем обществе быть «нетрадиционным». В ту ночь я открыл в себе «инаковость». Это оказалось страшно. Мгновенно протрезвев, я внутренне отгородился от мира своими «флажками». И так дожил до утра, трезвый, бодрый и задумчивый. Первого января компания рассосалась, даже не подумав остаться наводить порядок. А я вот решил, что спокойная совесть – дороже. Втроём с Сенькой и его сестрой мы ковырялись в последствиях бардака почти до обеда. Болтовня ни о чём наполняла меня горечью. Что-то сделать или даже признаться – смерти подобно. Тепло попрощавшись, я ушёл домой, где мама в компании своих подруг также встречала новый год уборкой.

А весной случился второй прорыв осознания. Когда Сенька познакомил со своей «единственной», как он выразился. Поздним вечером мы немного поболтали, и я ушёл в майскую ночь, где бушевал приморский ливень с молниями и громами. Смятение жало внутренности до боли. Признаваться не было и мысли. Вся атмосфера улиц нашего района, да и всего городка, настойчиво вдалбливала в уши, что «пидары» - самоубийцы. Пусть только окажется такой рядом - в асфальт закатают. И Сенька говорил так же. И Витёк, и Пашка, да все. Я бродил по улице всю ночь, вымокнув до нитки. Возвращаться домой не хотелось, идти к кому-то в гости было поздно. Так и слонялся под проливным дождём, разрываясь от желания и страха. Страх победил.

Но однажды я чуть не прокололся там, где и подумать не мог. Все в нашей компании любили рисовать карты. Да, у каждого была своя собственноручно сделанная колода. У меня уже была колода роботов, но к августу того же года я решил нарисовать вторую колоду – с варварами типа Конана. И «барбареллами», конечно. Оставалось нарисовать всего пару карточек. Как-то раз, зайдя к Сеньке в гости после работы, я уселся за столом на его кухне, достал начатую карту и продолжил карандашный набросок, пока хозяин дома миловался где-то в комнатах со своей «милкой» Алеськой. И увлёкся так, что не заметил, как подошёл Сенька. Его голос над плечом заставил вздрогнуть:

- Чего-то ты слишком натуралистичен.

Некое недоумение в его голосе заставило меня глянуть на получившийся рисунок... Твою ж мать! Нарисовал качка в плавках. Скажете, ну и что? А то, что очень уж откровенно плавки обрисовали мужское достоинство качка, можно сказать – могуче и рельефно. Дикий страх липким током охватил от макушки до пят. А Сенька продолжил:

- Ты голубой, что ли?

- Нет, что ты, - поспешно ответил я, обречённо понимая, что ещё одна хорошая страница жизни заканчивается. Скомкав разговор, я деревянной походкой покинул Сенькин дом, зная, что больше никогда не переступлю этого порога. Так и получилось. Страх стёр из головы дорогу к его дому. Ужас перед тем, что может случиться, если правда обо мне всплывёт наружу. Но стоит посмотреть правде в глаза – ничего особенного, кроме желания, я к Сеньке не чувствовал. Возможно, будь дело иначе, всё могло сложиться по-другому. Да и он после того разговора ни разу про меня не вспомнил... Или начал сторониться, что ничуть не лучше.

Комментарий к Глава 8. Весёлые картинки.

Забиваться в самого себя - разве для этого ему дана жизнь?

===== Глава 9. Потеря потерь (2000й год). =====

Вступление-девять.

Раковина оглушительно захлопнулась. Я задавил себя, пусть на тот момент и не окончательно. С компанией общаться перестал. Остались в жизни только дом, мама, работа и одиночество. Четыре года прошли в клетке этой боязни разоблачения. Ведь, если не высовываться, зло минует, правда? Но мама – она такая... Её не обманешь. Всё чувствовала. И однажды прямо спросила, кого я предпочитаю. И я честно ответил ей, что парней. От неё был только один вопрос: «Ты сверху или снизу?» Первым желанием было рассказать ей всё – о страхе, смятении, неопределённости. Но интонации в голосе, когда она повторила вопрос, заставили меня посмотреть ей внимательно в глаза. И ответить: «Сверху». Хотя я и сам не знал, чего хочу – девственность сама не проходит, знаете ли. В глазах матери зажглись холодные огоньки странной нелепой злобы. И другим ответ в такой ситуации быть не мог. Я с детства мог читать настроение мамы. И чувство самосохранения взвыло, заставив дать ответ, откатывающий ситуацию на исходные позиции. Но, кажется, мать кое-что для себя поняла.

Глава 9.

Потеря потерь (2000й год).

Потеря невинности – дело занимательное и волнующее. Для подавляющего большинства. Как и результат одного процесса. Кто-то преисполняется оптимизма, кто-то ловит комплекс. Но в общем и целом обычно всё хорошо. А вот представьте себе, что человек лишился иллюзий на общей волне пофигизма и в некоторой растерянности, когда позволяет просто нести себя событиям? Хотя ладно... Я не выбился из общей статистики. Всё произошло для меня случайно и обыденно. Да ещё и фраза по завершении процесса, так сказать, убила, образно выражаясь. И всплывшие чуть позже подробности тоже позабавили. Особенно моя наивность. Впрочем, расскажу подробнее.

Итак, овощу-пофигисту в моём лице двадцать четыре года, на дворе зима, декабрь 2000 года. Всё зашибись, жизнь протухла, хвост облез, что называется. Тут и разговор с мамой состоялся в октябре на тему «кто кого и как». Два года прошло уже с момента, когда я удрал из дома Сеньки. Тихо, спокойно, болотно, блевотно... Примерно тогда во мне начало

копиться бешенство, спрятанное за добрыми глазами. Как раз после того, как меня поймали, так сказать, по заданию партии.

До новогодних праздников оставалось всего дней пять. На работе тоска, впереди смена в кочегарке в автоколонне как раз на праздничную ночь. Мне было как-то до одного места всё это. За всё время после армии набралось уже три альбома отличных фотографий старшекласников, молодых парней, интересных мужчин, так или иначе привлекавших моё внимание, когда я шарахался по улицам с фотоаппаратом в руках. Некоторых фотал, спросив разрешения, некоторых украдкой, некоторых просто нагло. Образы мне нравились. И в тот вечер я решил полистать коллекцию окошек в мир грёз.

Услышав звонок в дверь, даже не дёрнулся. Мать, возившаяся на кухне, сходила открыть. Из моей комнаты слов разговора было не разобрать, но по голосу узнал соседку, импозантную фигуристую бизнес-леди, мать-одиночку и вообще средоточие достоинств. Заглянула мать со словами:

- Выйди хоть, поздоровайся.

Пожав плечами (чего я там не видел, в этих «здрасьте»), выплыл из комнаты и увидел соседку Ингу. Тёмные волосы убраны короткой причёской, домашнее одеяние в виде спортивных штанов и блузки в духе «гжель». Пробурчав под нос приветствие, я удалился на кухню, сделать чаю. Женщины в зале о чём-то пошушукались, и всё стихло. Соседка ушла, а день потянулся дальше. Когда совсем стемнело, мать засобиралась на свои привычные посиделки с другими соседями, семьёй Коноваловых. Уже много лет дружили семьями. Чмокнув великовозрастного меня в щёку, мама распорядилась её не терять, а уже в проходе вдруг остановилась, как-то растерянно ойкнула и сказала:

- Ёлки ж... Совсем забыла! Инга просила, чтобы ты зашёл, вешалку ей починил! Сходи, а? По-соседски.

Вздыхнув, я пообещал нанести визит. Мать радостно заулыбалась и исчезла, я же зарылся в захламлённую нишу, выискивая инструменты: крестовую и плоскую отвёртки и пассатижи. Мало ли чего там выдернуть надо будет из стены сначала. Или у Инги вешалка в шкафу отвалилась?

Дверь Инга открыла не сразу, зато предстала передо мной в лёгком шёлковом халатике китайского фасона. Вскользь ещё подумалось: «Чего это она?» Фигуристая шатенка возрастом под сорок лет могла дать фору многим молодкам. Сейчас же она смотрела на меня со странной смесью интереса и отстранённости. Я спросил:

- Что там у вас чинить надо?

- Проходи, - Инга посторонилась, и я переместился в прихожую, представлявшую из себя дизайнерскую смесь модерна и мешанской аляповатости. Дверь захлопнулась. Женщина как-то не очень радостно улыбнулась и сказала:

- Ты инструменты-то положи. Пойдём, сначала чаем напою. А то чего-то пусто в доме. Хоть поговорим.

Я пожал плечами, скинул с ног тапки, в которых благополучно проскочил до того лестничную площадку, сложил отвёртки с пассатижами на обувную полку у пола и глянул на Ингу. Она вдруг хлопнула меня ладонью промеж лопаток, подталкивая в зал. Там оказалось уютненько. Ажурная «стенка» блестела хрусталём и зеркальными вставками в дверцах шкафов и шкафчиков. Под потолком бело-голубыми бликами светилась современная люстра на пять рожков, бросая слегка призрачный свет на обстановку. Которую составляли новый телевизор японской фирмы, мягкое кресло с небрежно кинутым на него пледом цвета

вечернего неба, журнальный столик, заставленный тарелочками с нарезанными фруктами, среди которых бодро высилась нераспечатанная бутылка вина... И кровать. Большая двуспальная площадка, застеленная переливающимся красным шёлковым бельём. Один край покрывала был небрежно откинут.

Инга обошла меня, доплыла до кровати и уселась, закинув ногу на ногу. Она несколько секунд разглядывала меня, а затем сказала, махнув изящной рукой в сторону кресла:

- Присядь. Говорить будем.

До меня, наконец, дошла неправильность происходящего. Захотелось быстро уйти, отрезав себя от начинающихся проблем. Неожиданности – всегда проблемы. В моей жизни – точно. Но ситуация оказалась ещё и интересной. Я уселся в кресло и спросил:

- Что происходит?

- Побудь джентльменом, Вов, открой вино, - ответила Инга.

Пока я возился с обёрткой и выковыривал штопором пробку из горлышка бутылки, женщина молчала. Когда тяжёлая красная жидкость наполнила два бокала, Инга с задумчивым видом взяла один из них и, глядя в рубиновую глубину, сказала:

- Знаешь, твоя мама та ещё затейница. Скажи, Владимир, ты девственник?

Я нервно сцепил на груди руки, пару раз вздохнул, успокаивая взбесившиеся нервы, и ответил:

- Вообще-то, да. Ты к чему всё это?

- Твоя мать уговорила меня сделать из тебя мужчину, - на лице Инги засветилась лукавая улыбка. Взгляд карих глаз на миг упёрся в мои зрачки, после чего женщина спряталась за чёлкой и продолжила: - Правда, она так же просила не говорить тебе ничего... Но это не в моих правилах.

- А что в твоих правилах? – от шикарных новостей мне хотелось утонуть в полу. Ну, мама, удружила.

- Например, правильное замужество, - сказала Инга. – Есть у меня на примете мужчина моего возраста, состоятельный, не дурак. Думаю, скоро поженимся.

- И при чём здесь я? – странность происходящего начала зашкаливать.

- Если я что-то решила, то выполняю, - решительно сказала женщина, поднялась с кровати, залпом выпила бокал вина и подошла ко мне. Поясок её халатика оказался передо мной. Тонкие пальцы зарылись в волосы, запустив толпу мурашек по шее и между лопаток.

- Чего застыл? – её голос надо мной заставил пошевелиться. Руки сами нырнули под халат... И не нашли ничего, кроме шелковистой ухоженной кожи.

Где-то через час я ушёл от Инги, выслушав напоследок сентенцию о привычке к безопасному сексу и недопустимости влюбляться в первую женщину. Опыт оказался странным и настораживающим. Разумеется, у меня на неё встал, да ещё как. Но вот каких-либо особых ощущений и оргазмов я не ощутил ни в процессе, ни на пике. Лишь запыхался пару раз. И это ровненькое состояние заинтересовало меня даже больше того, что в этот вечер я потерял девственность. Ещё очень хотелось поговорить с мамой насчёт некоторых инициатив. И таки поздним вечером того дня я не удержался, перед сном сказал оживлённой матери, вернувшейся из гостей:

- Всё-таки меня больше интересуют парни.

Она хмыкнула, отхлебнула горячего чая и задумчиво ответила, глядя в ночь за окном:

- Ну, баловство всё это, сын. Пройдёт.

Я посмотрел на неё, отметив, что возраст берёт своё. Она отчётливо старела с каждым

годом. Может быть, ты и права, мама. Может быть, и права... Время покажет. Думал я тогда.

Комментарий к Глава 9. Потеря потерь (2000й год).

Меня начинает пугать этот человек... А вас?

Я про ГГ.

===== Глава 10. Попытка оказалась пыткой, или Музей в жизни молодежи.
=====

Вступление-десять.

Не прошло. Что уж тут поделаешь? Желание начало забивать голову, сами знаете – какое. Так что к следующему лету я познал всю сладость мучительного житейского дуализма. Настоящая шизофрения. Одна часть в ужасе зажалась внутри, попискивая: не смей, нельзя, хуже будет, не выделяйся, это опасно! Вторая же рвалась оценивать встречных парней с несколько прикладной целью, скажем так. Некоторые даже нравились. Настолько, что хотелось подойти, познакомиться. Не подходил, не знакомился. Время шло. Наступил май, деревья зелёным шумом топорщили воздух, раздувая ветерки. Я же предавался стихийному фотографированию. И однажды предался до музея.

Глава 10.

Попытка оказалась пыткой, или Музей в жизни молодежи.

Когда давняя знакомая пригласила пообщаться с директором городского музея, я слегка обалдел. С чего вдруг? Но Ленка, коллега по объективу, потрепала меня по русым лохмам и сказала:

- Я ей показала твои фотки. И они понравились, знаешь ли. Так что зайди, пообщайся. Глядишь, чего путного предложит.

Мы сидели на лавочке под кронами деревьев на аллее, а вокруг сновала жизнь, оглашая день ребячьими голосами, разговорами прохожих, урчанием далеко мелькающих машин. Хороший такой майский день. Только что откарнавалил день города, народ ещё полон впечатлений, весел и беспечен... Поболтав о всяком ещё с полчаса, мы разошлись. Здание музея, не так давно обшитое сайдингом цвета беж, было по пути из парка на основной городской проспект, так что я решил не откладывать дело в долгий ящик. И разговор с директором закончился тем, что мне там предложили работу... Ага, маргиналу и угрюмому парню. Работу. Смотрителем вечерних мероприятий. Забавно звучало. Проще говоря, директор оказался не просто чиновником. Иван Стоганов оказался профессиональным психологом, пишущим диссертацию и собирающим фотоматериал для иллюстрирования работы. И, как он объяснил, фотосрез публики, проходящей на дискотеки – это будет бомба. Так и сказал. При музее действовала фотостудия, к которой меня и прикрепили, так сказать. Заправляли там парень с девушкой лет по двадцать семь-тридцать. Евгений Воронков, прилизанный оболтус, презирающий серые массы. И Марина Николаева, его зам и по совместительству режиссёр небольшой театральной студии. Ну, и прочий народ в количестве полутора десятков. Так и потянулись ночные мои смены – яркие, грязные, с компактным фотоаппаратом в руках. Пару раз за первые два месяца мне чуть не набили морду за то, что снимаю посетителей. Но охрана всегда отбивала мою брэнную тушку от поползновений крутых парней и разъярённых девчонок, прятавшихся от опостылевшей жизни за гулом музыки, сигаретным дымом и потасовками.

Закрывая за последним охранником массивную дверь танзала, когда-то бывшего киносалона, я шёл в помещение фотостудии и перебирал мгновенные снимки, выплюнутые за смену «полароидом». Попадались очень даже интересные стоп-кадры. Потные лица, на

которых застыли мгновения чистых животных эмоций. Стройные и не очень тела, наряженные в яркие шмотки. Целующиеся парочки по тёмным углам... Мгновения драк, ссор и примирений. Хоть выставку устраивай. Но нельзя – люди тогда действительно обидятся. Рассортировав снимки, я выбирал какую-нибудь одну, с особо понравившимся парнем. И расслаблялся, глядя на напряжённое или расслабленное лицо, обрамлённое то чёрными прядями, слипшимися от пота, то светлыми лохмами, летящими в застывшем кадре. После яростной дрочки, расслабленный и всё также придавленный собственной ущербностью, наводил порядок и ложился спать до раннего утра. День за днём, неделя за неделей.

Тоска, чёрная и тошнотворная, пласт за пластом охватывала меня. Именно из-за неё стал покупать газеты с объявлениями. В то время ещё попадались среди сообщений строчки типа таких: «парень познакомится с парнем, а/я такой-то». Это сейчас такие объявления словно выпололи. А в те годы – нормальное явление. В июле не выдержал и написал письмо одному такому. Встретились... До сих пор с улыбкой вспоминаю своё смущение и его явное недоумение. Поболтали на виадукке над железной дорогой, попрощались и разошлись. Спасибо ему за тихий разговор. А через неделю я окончательно решился зайти до конца. Вновь написал письмо, уже другому, указав, что хочу секса и что я девственник (почти не соврал, правда же?). И удивительное дело – он ответил быстро. Сразу пригласил к себе.

Нищему собраться – только подпоясаться. Незнающему – тем более. Что я тогда знал о гейском сексе? Да ни хрена, честно скажу. Тема меня пугала до икоты, а компа с выходом в интернет у меня не было – богатством не вышел. От автобусной остановки до его дома было пять минут ходьбы. С каждым метром дрожь внутри нарастала, но в некий момент исчезла, просто сковав тело. На звонок дверь открыл высокий мужчина лет сорока, в меру упитанный и со слащавой улыбкой на лице, от которой меня почему-то покорило. Он отступил на шаг, широко махнул рукой и сказал приятным баритоном:

- Проходи!

В квартире было не прибрано. На кухне, куда меня проводили, на столе стояли бутылка вина, два бокала и тарелка с печеньками, как сейчас помню. В общем, не хочу расписывать всё в розовых тонах. С нервного психоза я проехался по его упитанности, он обиделся, а потом был банальный трах. Без подготовки. Он меня тупо поймел на сухую практически. Когда меня выставили из квартиры, на улице было пасмурно – как и на душе. Небо серое, настроение паршивое, задница болит – первый блин вышел каким-то горьким. Но что странно – сидеть в автобусе оказалось терпимо. Думал, будет хуже. Всё-таки член у паршивца оказался не самый большой. Хорошо, даже в голову не пришло это комментировать. Мы были в равных категориях по этой части.

Да, на равных... Но он мог быть собой, в отличие от меня.

Комментарий к Глава 10. Попытка оказалась пыткой, или Музей в жизни молодежи.

Думается, большинство первых разов среди молодых геев проходит примерно так. Как думаете, я прав?

===== Глава 11. Отказывающийся. =====

Вступление-одиннадцать.

Никакого удовлетворения. Вот результат моего первого раза. Скорее наоборот – что за мазохизм, право слово? Но хотелось ещё. Только уже на моих условиях. Да и в тот момент скорее жаждал забиться в тёмный угол, накрыться одеялом и не отсвечивать. Стыд, тягучий и плотный, почти ватный. Он пришёл уже к ночи после визита к тому дядьке. Никакие

дискотеки, фотоаппараты и впечатления не смогли проковырять мою раковину в тот вечер. А потом снова потекли дни. Один, два, три... И новое открытие, заставившее меня окаменеть внутренне не хуже гранитной плиты. Не был я готов к такому, ну не был, вашу ж мать! Но никто этого не понял.

Глава 11.

Отказывающийся.

Как потом оказалось, в нашем небольшом городке тусовка геев очень тесная и дружная. При этом категорически закрытая для случайных людей. В ряды этих случайных я и попал из-за своей замороженности. А началось всё с того, что через три дня после тесного контакта заднего рода в фотостудии состоялся сабантуйчик. Народ приволок пару тонн выпивки, закусок и хорошее настроение. Женька Воронков был сама лучезарность, он весь вечер трепался, хохотал и чему-то радовался. Даже на общем фоне весёлой пьянки выделялся. В какой-то момент он чего-то вдруг начал мелькать возле меня. А ту ещё и коньячок не самый паскудный в крови гулял. Наверное, поэтому я позволил себе спросить:

- Что такое, Жень? Ты чего-то хочешь?

Он на мгновение смутился, а потом сел на подлокотник старого кресла, в котором я пребывал последние десять минут, наклонился и горячо прошептал в ухо:

- Ты мне нравишься.

- В смысле? – затуманенный мозг отвлёкся от созерцания вечерней улицы за окном, пытаюсь включиться. Женька напряжённо улыбнулся и сказал:

- Ты мне действительно нравишься, Вовка. Давай встречаться?

И тут я сообразил! Так он что, тоже из этих? На миг нахлынул панический паралич. Но я невероятным усилием овладел собой, сдержанно улыбнулся и ответил также шёпотом:

- Нет... Прости, но нет.

Горло перехватило. Хотелось как-то объяснить, что не готов пока вновь испытать ту острую сладкую боль. В голове забились пульсация горячей крови. Никаких слов не нашлось, чтобы объяснить, попросить подождать. Он ведь мне тоже нравился. С первых дней. Энергичный, подтянутый, шумный и весёлый. Одна только мысль, что у нас что-то может быть, заставила слова умереть в глотке. Женька поскуцнел, отлип от кресла и обронил:

- Как знаешь.

А потом принялся веселиться дальше. Именно так – словно выполнял работу, вдруг ставшую противной. Я же в полном недоумении следил за его перемещениями по комнате, среди других фотографов обоих полов. Так вот просто? Нет и всё? И он отстал? Интересно. Значит, ничего особого ему и не надо, ясно же. Так, перепихнуться с новым в тусовке человеком. Кое-что я за прошедшие дни успел понять. Среди геев «постельная карусель» самое обычное дело. Они все знают друг друга, каждый не раз переспал с каждым... И каждый новый человек – для них приманка та ещё. Свежее мясо. Пониманию поспособствовал несколько скабрезный разговор с моим первым, перед тем, как он выставил меня за дверь. Да и потом стали вспоминаться разные истории. Всё сложилось в нелицеприятную картинку. А Евгений сейчас подтвердил её истинность. Стало несколько обидно. Но что поделать – значит, так оно и есть.

Это был первый звоночек. Второй прозвенел ещё через неделю, уже в августе. Среди театралов Марины Николаевой тоже тусовались разные люди. И был среди них мой давний знакомый, ещё по молодости. Кирилл был замкнутый, немногословный здоровяк, женатый и с двумя детьми. Иногда мы разговаривали ни о чём и обо всём – типичные знакомые. А

третьего августа, когда артисты народной студии расходились после очередной репетиции чего-то там из Островского, он вдруг задержался с выходом на улицу, замер возле меня и спросил:

- Не хочешь в кафешку сходить? Если что, угощаю.

- Чего это ты вдруг? – насторожился я и посмотрел на часы. До прихода хозяина дискотеки оставалось всего ничего.

- Скажи, Владимир, - Кир замялся на секунду, но потом посмотрел мне в глаза и продолжил: - Ты гей?

Я не ответил, снова парализованный резкой атакой страха и паники. Чувства нахлынули волной. Сначала Женька, теперь ещё и он. Вместо ответа я спросил:

- Почему ты спрашиваешь?

Голос мой оказался скрипучим и хриплым одновременно. Кир натянуто улыбнулся:

- Да так... Не бери в голову.

В его глазах я увидел глубокую тоску, словно не лицо белело в вечерних сумерках, а маска, за которой мутнеют два клочка тумана. Наверное, Кир увидел в моём взгляде весь ужас, замешанный на панике, потому что пожал плечами, усмехнулся и сказал:

- Пока.

Закрыв за ним дверь, я растерянно сполз по стене на пол и застыл. Сначала Евгений, теперь Кирилл. А мир, оказывается, тесен. Но Кир... Женатый парень, дважды отец. Как же ему хреново, наверное. От удара в дверь я вздрогнул и ринулся открывать. Пришёл новый вечер, впереди снова гул музыки, пьяный угар подростков и страх. Неизбывный страх человека, уверенного, что он недостоин ничего хорошего в жизни. Мой страх.

Комментарий к Глава 11. Отказывающийся.

Жизнь полна неожиданностей, однако...

===== Глава 12. Ролевые игры - они такие... =====

Вступление-двенадцать.

Страх так и не дал мне сделать шаг вперёд. Пару раз встречал своего первого. Болтали. Он мне и рассказал с сожалением, что в тусовке обо мне сложилось мнение «случайного» человека, глотнувшего острых ощущений. И не более того. Бесперспективного, как он выразился. Отчасти это принесло мне облегчение. И понимание, что, если Женька действительно хотел сойтись со мной поближе, а не ради траха, то, зная, что я склонен к гомосексуальным отношениям, нашёл бы как выковырять меня из раковины, проявил бы активность... Надеюсь. В октябре я узнал, что Кирилл погиб. Он отправился на Камчатку, что-то там ловить с группой водолазов-браконьеров. И однажды просто не вынырнул. Тело не нашли. Помню, пребывал в ступоре. И в злости на его заплаканную жену, пришедшую в музей сообщить о горе. Это ведь из-за неё, из-за вечной нехватки денег, он отправился колымить. И умер. Быть натуралом вообще убийственно для мужчины. Жизнь потом не раз мне это доказала, увы. А в феврале следующего, 2001-го года, началась новая веха в моей жизни. Я увидел объявление в одной из городских газет.

Глава 12.

Ролевые игры – они такие...

Сложенный газетный листок грел карман и ладонь, которая покоилась там же. Одна из городских школ, в которой и собирались нужные мне люди, встретила воскресной пустотой и гулом голосов, доносящихся из спортзала. Распахнув деревянные створки дверей, я прошёл в огромное помещение и застыл. Тут царило оживление. Парни, девушки, какой-то звон,

голоса, смех... Знакомство с нашими городскими ролевиками прошло спокойно и в чём-то буднично. Слово за слово, тренировка-другая, и прикипел. Думал, на всю жизнь.

Особенно сдружиться в первый же день получилось с тремя парнями и девушкой. Лана тогда была официальной дамой сердца одного из моих новых друзей, Алексея. Именно этой компанией первые дни мы и тусовали. У Алекса дома пили водку, слушали музыку, говорили о книгах, кино и истории России. Было до безобразия здорово и даже замечательно. Ещё они постоянно поминали какого-то Матвея Журавлёва, который вот-вот должен был вернуться откуда-то с запада, куда его отправили родственники. Пока же мы тренировались. Всей оравой уходили вечерами на сопки, находили более-менее ровную площадку и устраивали бои на деревянных самодельных ножах. Эти ролевые штуки – своеобразный инструмент пытки. Вроде бы полированный нож, толстый, везде закруглённый и гладкий не должен быть особо опасен. Так можно думать, пока такая вот деревяха, выточенная из рукояти клюшки, не врежется тебе в рёбра. Или в пресс... Сколько костяшек на пальцах стесали? Сколько с присвистом загибались из-за попадания в «солнышко»? Сколько мата рассыпали, зажимая подбитый глаз? Не сосчитать. Но это было частью прекрасной жизни, в которой у меня были друзья, которым на самом деле было плевать – какие тараканы живут в отдельно взятой голове. На одной из таких тренировок в апреле появился пресловутый Матвей. Худощавый парнишка лет семнадцати, ростом метр семьдесят, на голове – копна лохматых чёрных волос, в глазах – искры безумия. Я смотрел на него и офигевал – не парень, блин, а мечта. Но не дрогнул ни один мускул - годы тренировок не прошли даром. Показывать кому-либо что-либо не собирался. Достаточно того, что просто рядом несколько дней провести можно во время очередного выезда. И уже второй совместный выезд ввёл меня в судорожный ступор.

Лето того года выдалось дождливым... Нет, начну с другого. Со дня нашего с Матвеем знакомства. Апрельское солнце робко грело сопки, а мы всей командой толклись в старой бетонной ротонде на гребне над разрушенным парком. Деревья рядом только-только обсыпались молодыми почками. Мы с Лёхой сидели на парапете, обсуждая очередную безумную идею по настольным играм - оба обожали серию AD&D. Лана с подругами увлечённо обсуждали, какие костюмы надо шить к первой летней игре, посвящённой истории средневековой Англии. Роман, Витька, Павел и Марк разбились на пары и тренировались с деревянными ножами. Все при деле. В какой-то момент Марк пропустил довольно жёсткий удар от Ромыча, охнул и сдавленно сказал, глядя куда-то на тропу за ротондой:

- Матвейше идёт.

- Класс! - Ромка развернулся так, словно его пнули, и галопом умчался по тропе. Остальные рванули за ним. Алексей только хмыкнул и сказал в ответ на мой хмурый взгляд:

- Приехал, наконец.

Девчата со смехом и визгом встретили пришедшую парочку, за которой потянулись парни. Одного из двоих я знал - Женька Ломатин, эрудит, язва и владелец самого убитого здоровья из всех, кого я до сих пор встречал. Второго парня я видел впервые в жизни. Так что внимательно рассмотрел его. Невысокий, крепкий, сложения скорее тонкого, лохматая копна каштановых волос на голове. Лицо треугольное, с ямочками на щеках. Тёмные глаза с живым интересом стреляют по сторонам взглядом любопытного кота. Одет парень был в черное: джинсы, футболка, куртка.

Познакомились мы так, словно всю жизнь были где-то рядом, а тут наконец узнали

имена друг друга. И понеслось: тренировки, встречи, пьянки, куда ж без них. Пришло дождливое лето. На первую игру сезона поехали большой толпой, нас собралось человек пятнадцать. Местом игры мастера выбрали остров на озере. Всё бы ничего, но стоило нам на рейсовом катере перебраться на место игры, как погода окончательно испортилась. Шквалистый ветер поднял волну, зарядил мерзкий дождик. Полторы сотни человек, собравшихся на игру, скисли, чему мы не были рады. И стоило тащиться за двести километров ради такого вот уныния? Поговорив с мастерами, мы громогласно объявили, что в окрестностях славного города Рочестера появилась банда отъявленных головорезов. И начали играть в своё удовольствие. Когда “резня” достигла апогея, а вопли “убитых” переположили все лагеря, народ наконец соизволил ожить и включиться в происходящее. Через два дня нашего дебоша Церковь объявила крестовый поход по наши невинные тушки. И закипела настоящая баталия. Столько веселья я никогда до этого не получал за такое короткое время. И плевать на синяки, ссадины, стёртые в сырой обуви в кровь ноги. Было безумно весело. Немало внёс в это прихваченный из дома алкоголь. Ну и у местных мы скупили весь самогон. Не только мы, конечно. Все игроки так или иначе наведывались в посёлок рыбаков на острове. Как-то незаметно так оказалось, что ещё до игры мы с Матвеем превратились в неразлучную парочку дурных голов. Рядом с ним я был свободен в выражении мыслей и настроения. На третий день игра притихла, все поставленные мастерами задачи были выполнены, а банда головорезов покрылась в лесах, благополучно натворив безобразий. Это решено было отметить. В ход пошёл последний алкоголь. Даже “синявка” употребилась без особых возражений. Народ решил, что этого мало. И начал искать добавки. Группа из нашего лагеря отправилась по соседним лагерям. Я придремал, убаюканный пьяной качкой в голове. Но в какой-то момент посланцы добра вернулись... С добром. И палкой. Крупный Павел уселся у костра под тентом, по которому шелестел дождь, положил дрын себе на колени и жизнерадостно сказал:

- Мы там парочку пидаров раскулачили.

- Это как? - вяло спросил я.

- Чего? - удивился Матвей, тоже никуда не ходивший.

- А нехер сосаться в палатке, куда люди за пойлом лезут, - довольно осклабился Ромка, плюхнувшись рядом с Павлом на бревно. - Ну, мы их пару раз прямо по палатке палкой приласкали, чтобы типа о гостях предупредить. Они и выдали нам эту штуку.

Он поставил на землю полуторалитровую пластиковую бутылку прозрачной жидкости. Пашка оживился:

- Спиртяга бодряженный. Но нам хватит.

- А чего те? - спросил Матвей.

- Ничего, - Ромка пожал плечами. - Мы их звали к себе, они сказали, что подумают.

Я слушал этот трёп и ощущал жар в голове. Если же сильные люди, способные быть самими собой. Почему я не могу? От этого стало муторно. Поднявшись с туристической пенки, на которой вялился последний час, я неспешно побрёл под дождь. Голос Матвея заставил на мгновение застыть:

- Ты куда, Вов?

- Пройдусь, - вяло ответил ему, махнул рукой и пошагал дальше в дебри леса, чувствуя, как пылает голова от бешеных мыслей. Рисковать дружбой с этим парнем не собирался, так что и рассказывать что-либо не было желания. Вот только странный серьёзный взгляд Матвея охолодил спину. Неужели он что-то подозревает обо мне? Когда я через полчаса

вернулся в лагерь, оказалось, что один из местных мальчишек принёс новость. Объявлено штормовое предупреждение, и нам предложили покинуть остров, пока это возможно. Конечно, первым делом отправили девчонок и малых, мало ли что. Потом уже сами стали сворачивать лагерь. Выбраться с острова успели все. Но выбираться в родной город было поздно. Всей толпой остановились на ночь у наших друзей, живших в краевом центре. На съёмной квартире поместились шумно, весело. По пути опять затарились спиртным. И понеслось по новой. Не помню, что и как, но ночью проснулся от странных ощущений. Народ дрых на полу, на диване, на креслах. Я лежал на куртках посреди комнаты, а под футболкой нервно блуждали горячие ладони. Ошалев от этого, я дёрнулся и развернулся. Это был Матвей. Правда, он тут же притих. Закрытые глаза, ровное дыхание, вроде бы просто во сне... Или нет? Я осторожно выбрался из-под его замершей руки. Чёрт, как же всё странно-то. Покурился на балконе, я вернулся в ряды спящих.

Утром народ начал растворяться в будней жизни. Кто-то решил поехать домой на утреннем междугородном автобусе, кто-то объявил, что есть дела в крайцентре, кто-то просто отправился гулять. Лето, каникулы. Я на работе взял на время игры отпуск без содержания. Всё путём, в общем. Ближе к обеду, сидя на балконе с сигаретой в руке, я бездумно смотрел на пустырь, рядом с которым стоял дом. Балконная дверь скрипнула, пропуская Матвея. Я покосился на него, ощущая внутри тянущее нечто. Он улыбнулся солнцу, проглянувшему сквозь тучи, и сказал:

- Ну, мы вчера и отожгли.

- Это точно, - я усмехнулся. А на коже под футболкой затеплились памятные касания. Чёрт, чёрт, чёрт... Что это такое? Сил смолчать не нашлось. И я спросил:

- Ты зачем ночью меня лапал, Матвейище?

- Чего? - он вытаращился на меня. - Да ни в жисть!

- Лапал, лапал, - покивал я.

- Не помню, - озадаченно сказал Матвей.

А я с тоской медленно выдохнул, отпуская надежду сдыхать в подворотне. Что ж, значит, так тому и быть. Перевести всё в шутку и сделать вид, что всё в норме, ничего не стоило. Кроме ещё одного кусочка еле живого сердца. Но кому до этого есть дело? Не терять же друга из-за собственных придурей... И жизнь потекла дальше безмятежной серой лентой. Мне не привыкать.

Комментарий к Глава 12. Ролевые игры - они такие...

Кто-нибудь узнал события в главе?

===== Глава 13. Проверятьщик, однако. =====

Вступление-тринадцать.

Кто виноват в изломах жизни? В тех странных вывертах, что заставляют людей ломать устоявшийся быт? На этот вопрос нет ответа. Есть только процесс. Лето пролетело быстро, потом Новый Год, новое лето... Осенью 2003-го Матвей познакомил нас со своей девушкой. Он привёз её из краевого центра, где учился, на "смотрины" к приёмным родителям. Нежная тонкая ранимая красавица не смогла вписаться в нашу шумную галдящую толпу полупанков-полуалкоголиков студенческого периода. Хотя и честно пыталась. Мы все всё понимали и старались помочь Алёне. Я же при этом с некоторой тоской вспоминал лето, когда мы с Матвеем вдвоём дурили, искали ему квартиру, работали где придётся... Не могу понять до сих пор - что это было? Но я знал, что рядом с ним хорошо. Этого хватало. А потом пришла осень, появилась Алёна, а я поступил на заочный факультет фотожурналистики в

университете регионального значения. Впереди замаячили очередные новогодние праздники, не первые и не последние.

Глава 13.

Проверяльщик, однако.

В тот Новый Год Матвей пропал. Можно даже сказать – без вести. Они с Алёнкой почему-то поругались прямо в праздничную ночь. И он ушёл в снег, на чёрные улицы. Больше его никто никогда не видел, даже родная сестра, живущая в райцентре. Не знаю, что да как. Уехал ли он просто куда-то, или всё-таки не довели до добра его тёмные делишки, в разговорах о которых он только посмеивался и отмахивался. Не могу сказать. Моя же заочная учёба вдруг выявила ещё одного такого же, как я, «студента» в компании. Витька, с которым мы не очень-то дружили, хоть и были в одной тусовке, шумно и весело превратил мою вторую сессию, случившуюся в январе-феврале после того странного Нового Года, когда пропал Матвей, в нечто бешеное и неформальное. Начать стоит с того, что в первый же вечер нашего приезда в заснеженный райцентр мы буквально нажрались водяры и глухой ночью поехали по моим родственникам... До сих пор стыдно, да уж. Короче, у одной из моих тёток мы и заночевали. А утром я заикался и краснел, пока Витька приводил себя в порядок в ванной комнате. Ничего, пережили. Всякое в жизни бывает. И с того дня мы стали с Витькой сближаться. Потихоньку, незаметно, спокойно. И в июле, во время ночной прогулки по аллее в центре нашего городка, нас накрыло.

Лёгкая морось не мешала нам в тот вечер напиваться пивом и болтать обо всём на свете. Когда наша компания откочевала от одного из городских домов культуры в сторону автобусной остановки, мы с Витькой как-то незаметно откололись от народа и устроились на лавочке под деревьями между фонарями освещения. Витька тут же улёгся, положив стриженую голову мне на бёдра, я же расслаблено на полном автомате погрузил пальцы правой руки в его лохмы. Мы разговорились о планах на следующую сессию, на грядущую большую игру а-ля «Зарница», на жизнь. Мимо нас шнырял народ, некоторые чего-то косились, но мне было плевать. Мне! Плевать... Это я сейчас понимаю, насколько мне тогда было хорошо. Насколько меня отпустили цепи страхов и как поникли сторожевые флаги. А тогда я просто жил.

Начало моросить, народу на аллее стало меньше. А мы всё так и сидели-лежали. Витька в какой-то момент приподнялся и на половине какой-то фразы ухватил меня за шею и заставил нагнуться. Наши губы встретились. В некотором шоке я отпрянул и уставился на серьёзного друга. А затем спросил:

- Что? Ты? Сделал?

- Не отрицай, Вов, - его глаза сверкнули в темноте. – Все у нас знают, что ты по мальчикам. И благодарны тебе, что не несёшь свои интересы в нашу компанию. Просто молчат. Им достаточно, что ты есть на этом свете, вот такой вот молчаливый, с тараканами и комплексами.

Не таких речей я ждал от него в ответ на вопрос. Но и это поразило до глубины души. Словно что-то хрупкое треснуло в душе, начав осыпаться осколками. В глазах что-то защипало. Я тяжело задышал, облизывая вмиг пересохшие губы. А Витька поднялся и уселся рядом, обняв за талию:

- Ты хороший... И давно мне нравишься.

- Я... - звуки колючками встали поперёк горла, - я...

- Пойдём, - он встал с лавочки, схватил меня за руку и увёл с аллеи. Помню, шли среди

тёмных домов, мимо гаражей, ряд, второй, третий... Потом тропа на гребне сопки, разделяющих два микрорайона. И мокрая ночь вокруг, тёмные деревья, жёлтые огни города внизу. Тишина, такая странная, новая, пугающая. Ровная площадка в стороне от хоженной нити тропы. Куртка, которую Витька весь день таскал на случай дождя, полетела на землю, мы буквально рухнули на неё, на колени лицом друг к другу. И целовались. Долго, исступлённо, жадно, словно пили и не могли напиться. Вместе. Сексом мы не занимались... Но уж наигрались друг с другом до усталости во всём теле. А спустя какое-то время его слова холодным ударом под дых:

- Хватит.

Из его голоса исчезло тепло. Равнодушие резануло:

- Я понял, наконец. Всё-таки мне по душе девушки.

От его спокойствия мне стало очень холодно и нехорошо. Тут же сработали листы внутренней «брони», закрывая бьющееся в агонии сердце от внешнего мира. Поверил ведь... Снова поверил во что-то. И опять получил. Да сколько можно так вот обжигаться?! Пока я стоял на коленях на его куртке, переваривая такой внезапный поворот, Витька оделся, постоял рядом и сказал:

- Занеси потом куртку мне, хорошо, Вов? Думаю, больше нет смысла во всём этом. Прости, я просто хотел проверить себя на гейство.

- Проверил, я правильно понял? – спросил я, чувствуя, как сдавило горло.

- Да, ну я пойду, - он потоптался ещё с минуту рядом, потом выдал: - Завтра у Алекса встретимся, обсудим планы на игру. Там приедут несколько человек из Хабары. Ты удивишься!

И столько радости вдруг проявилось в его голосе, что я понял: эта ночь для него лишь одна из тысяч мимолётных точек на пути. Знаете, такие открытия не добавляют радости. Совсем не добавляют. Я встал и начал молча одеваться, как только шорох кустов затих за ним. Руки не слушались, ноги дрожали, губы тряслись, а сердце... Оно замолчало.

Комментарий к Глава 13. Проверятьщик, однако.

Пунктирная линия жизни - иногда и такое бывает.

===== Глава 14. Подал руку - пошли в ЗАГС. =====

Вступление-четырнадцать.

Двадцать восемь лет, возраст осознания. Для меня. Той июльской ночью я понял, что жить незачем. Последние надежды, какие-то мысли, планы, настроения – они прах под ногами таких вот друзей, знакомых, странных личностей, живущих вокруг меня. Кому какое дело до того, что я чувствую? Никому. Никакого. На утро я с фотоаппаратом в руках встречал солнце. Где? На вершине скалистого обрыва над железнодорожным полотном, идущим параллельно промзоне, протянувшейся вдоль бухты, на берегу которой стоял тогда и сейчас стоит мой город. Покрытые росой рельсы внизу примагнитили взгляд почти на полчаса. Но холодная ярость не дала совершить глупость. Не позволю. Именно так я решил в тот день. Никому не позволю подвести меня к краю. Как же я ошибся тогда, на вершине утра.

Глава 14.

Подал руку – пошли в ЗАГС.

Милицейский «УАЗ» с диким усилием вполз на гребень со стороны села и остановился. Из него выбрались наружу три милиционера при погонах. Мы же стояли от них метрах в трёх и смотрели, внутренне ожидая чего угодно. Потому что у всех троих кобуры пистолетов

были расстѣгнуты. Никто из нас и предположить не мог, что частящие хлопки петард в сопках могут вызвать панику у местного населения, и люди вызовут правоохранителей для проверки. Жесть просто. В общем, жизнь показала, что способна на многое. Тяжёлый разговор длился около часа. И благополучно завершился отъездом ребят в погонах. Общее облегчение словно ветерок почувствовали все две сотни человек, съехавшиеся в те дни на военную игру. Помню это отчётливо. А также обещанный Витькой сюрприз.

Она, то есть сюрприз, выпрыгнула из вагона электрички на перрон за день до начала масштабной ролевой игры в сопках возле большого села в окрестностях нашего города. В компании Витьки и сюрприза приехали ещё две девушки и два парня. Все из Хабаровска. И вся компания двинулась на «полигон», то есть туда, где готовилась игра. Всё это я узнал чуть позже из слов Витьки. С той ночи наши отношения словно сдулись, стали настолько приятельскими, что даже интересно стало в какой-то момент: а был ли мальчик? Вопрос классика оказался очень в тему. Похоже, меня тупо использовали для своих нужд, не более того. Ладно, и на том спасибо, что не зашли далеко.

Я как раз готовил кое-что из игрового реквизита (для квеста мастерил «адский чемоданчик» из пивной банки, двух старых плат, куска поролон, пучка проводов и старого дипломата), когда Витька привёл гостей в палаточный лагерь. Поздоровавшись с ним, я рассмотрел гостей. Парни как парни, девчонки так же... Но одна из них, высокая, чернявая, очень такая цыганистая, просто заставила на миг замереть. В её карих глазах открыто читалось: «Дайте пожрать, ироды!» И я молча взял миску с ложкой, наложил из котелка на костре каши, подошёл к прибывшим и просто сунул ей в руки приветственное подношение. Остальным же сказал:

- Привет, народ! Круто, что приехали... Вы тут пока сами. Или вон Витьку дѣргайте. Места в палатках мы вам определим.

Будучи помощником мастера на той игре, я не мог посвятить им много времени. Чернявая приняла миску с некоторой опаской, но уже через несколько секунд вальяжно устроилась на бревне у костра и принялась уплетать ароматную кашу из риса и тушенки. Так и состоялось наше со Светкой знакомство. После обеда и завершения множества мелких дел я водил её по «полигону», показывал, где что будет. Пару раз подал руку, переводя через овраги-буераки. Утром же следующего дня мы все ушли с головой в игру. Война в сопках бушевала до глубокой ночи. А в разгар как раз и приехали милиционеры, науськанные мирным населением. Но они оказались вменяемыми людьми, решили поверить, что здесь и сейчас просто проходит «зарница» для школьников. А уж появление возле них как раз десятка наших самых младших помогла им в этом убедиться. Я потом долго говорил спасибо сообразившему пригнать молодняк Алексу. Мда, а ведь всё могло кончиться очень печально...

После игры вся орава разъехалась. Большинство (иногородние) сразу разъехались кто куда. А хабаровчан мы «вписали» к себе на ночь.. Светлана... В ту ночь меня пытались предупредить, что она девушка со странностями. Не внял. Да и зачем? Она словно пришла из другого мира – яркая, живая, эмоциональная. Мы ночью на балконе целовались до одури и говорили. Потом она уехала в райцентр. И я честно не вспоминал о ней. Пока в сентябре того же года, придя в фотостудию, где занимался со школьниками в то время, не увидел её, стоящую у дверей. А рядом топтался Витька, весь из себя гордый. Как оказалось потом, он решил, что между нами чувства, и надо помочь этим двоим не разбежаться по жизни.

Это был странный период в моей жизни. Она то приезжала, то уезжала. Мы гуляли в

компании и сами по себе, пили всякие вина и прочие радости, занимались сексом по несколько раз на день на съёмной квартире. И в ус не дули. В моей голове словно включили свет, который застил все прежние страхи. Но в нём начали зарождаться новые. Светка сразу попыталась взять меня в оборот – куда ходить, с кем дружить, что и в каком количестве употреблять, и так далее и тому подобное. Пару раз ругались в кровь, в скандал. В следующем январе уже хотел бросить всё, расстаться. Двадцать восемь лет всё-таки, не юноша, многое понимал. Но раз за разом вспоминал свою пустую жизнь, Витькины слова, своё стояние над далёкими рельсами... И всё больше понимал, что пришла пора что-нибудь поменять в жизни, резко и радикально. Иначе всё-таки однажды шагну с той скалы. А раз уж так повезло встретить девчонку, способную разжечь в моей крови страсть, то грех отворачиваться.

Через неделю после моего решения всё прояснить мы со Светланой пережили серьёзный разговор. Она узнала обо мне всё. Буквально. А я о ней тоже – многое. Мы говорили почти сутки. И приняли решение, ставшее переломным в моей жизни. Свадьбе быть. Понятно, что оба мы на самом деле оказались очень наивными и глупыми людьми, надеясь в будущем поменять друг друга к лучшему. Кто-то может сказать, что я испортил ей жизнь. Возможно. Она тоже в долгу не осталась. Но это уже другая история. И она подтвердила мне простую истину, которую на каком-то гей-форуме выдал когда-то один из пользователей. Не помню, где именно и кто. Но сказал он верно:

«Бывших геев не бывает».